

А. В. Курбатов

Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси

A. V. Kurbatov.

Raw materials for leather crafts, technical means for leather processing and assortment of leathers in Mediaeval Rus.

Consideration of the raw-material base for urban leather-working crafts is an important constituent for evaluation of and conclusions on the development of this trade in mediaeval Russia. In recent years, it has become clear that the volume of sources for studies of leather-dressing is remarkably extensive and is continuing to expand due to publication of new archaeological and documentary evidence. Today, these sources allow us to arrive at certain conclusions as to the level of advancement of the handicrafts of mediaeval Russia at different historical stages.

The present paper discusses all the terms and names concerned with leather-dressing raw materials, methods of their procurement and storage and the technique of their processing. Here the terminology is applied from a wide circle of Russian written sources which appeared during the mediaeval and recent periods, as well as from ethnographic records of the 19th–20th centuries. In addition, information of the written documents is compared with the archaeological evidence in order to define more particularly separate terms and names concerned with leather-dressing raw materials.

The synthesis of all the written accounts available on leather-working raw materials and the evidence of many archaeological collections yielded by excavations of mediaeval towns of Eastern Europe allows us to distinguish four stages in the development of the Russian mediaeval urban handicraft.

A. V. Kurbatov.

Materie brută pentru pielărie, metodele tehnice de preparare a pielii și sortimentul pieilor în Rusia Medievală.

Considerarea bazei de materie primă pentru pielăria urbană reprezintă un component important pentru aprecierea și examinarea dezvoltării meșteșugului în Rusia medievală. În ultimii ani, se poate constata, că volumul surselor pentru studierea pielăritului este extrem de mare și continuă să crească din contul introducerii în circuitul științific a materialelor arheologice și scrise noi. Acest fapt permite, astăzi, să se tragă unele concluzii despre nivelul dezvoltării meșteșugului Rusiei medievale în diferite etape istorice.

Articolul examinează toți termenii și toate denumirile, legate de materia primă pentru pielărie, metodele de colectare, depozitare și tehnica de prelucrare a pielii. Se utilizează terminologia, preluată dintr-un cerc larg de surse scrise ruse, apărute în perioadele medievală și modernă, precum și notele etnografice din sec. XIX–XX. De asemenea, datele surselor scrise sunt comparate cu cele ale arheologiei cu scopul de a concretiza unii termeni și denumiri ale materiei prime.

Sinteza tuturor evidențelor scrise despre materia primă pentru pielărie și a materialelor multiplelor colecții arheologice, provenite din săpăturile în orașele medievale ale Europei de Est, permit evidențierea a 4 etape în dezvoltarea pielării urbane medievale ruse.

А. В. Курбатов.

Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси.

Рассмотрение сырьевой базы городского кожевенного ремесла является важной составляющей для оценки и выводов о развитии ремесла в средневековой Руси. В последние годы стало видно, что объем источниковой базы для изучения кожевенного ремесла необычайно широк и продолжает расширяться за счет введения в научный оборот новых археологических и письменных материалов. Сегодня это позволяет сделать некоторые выводы об уровне развития ремесла средневековой Руси на разных исторических этапах.

В работе рассматриваются все термины и названия, связанные с кожевенным сырьем, способами его заготовки, хранения и способами выделки. Используется терминология, взятая из широкого круга русских письменных источников, появление которых относится к средневековому периоду и Новому времени, а также этнографические записки XIX–XX вв. С письменными источниками сопоставлены и археологические материалы, конкретизирующие отдельные термины и названия кожевенного сырья.

© А. В. Курбатов, 2010.

Синтез всех письменных источников по кожевенному сырью и материалов многих археологических коллекций, полученных при раскопках в средневековых городах Восточной Европы, позволяет наметить 4 этапа в развитии русского средневекового городского кожевенного ремесла.

Keywords: Medieval Rus, skinnin handicraft, raw skins, kinds of leathers, technical security, tanning process.

Cuvinte cheie: Rusia medievală, pielărie, materia brută pentru pielărie, tipurile pieilor, aprovizionare tehnică, prelucrarea pieilor.

Ключевые слова: Средневековая Русь, кожевенное ремесло, кожевенное сырье, виды кож, техническое обеспечение, выделка кож.

Введение

Данная тема включает три самостоятельных направлений: 1) виды кожевенного сырья; 2) сбор сырья и его доставка до производителя — кожевника; 3) сортамент кожевенного товара в средневековой России. Эти вопросы связаны с рядом специальных вопросов по организации ремесла и особенностям жизнедеятельности сельского и городского населения. Поскольку сельская ремесленная деятельность практически не поддается археологическому изучению и очень слабо отражена в письменных источниках, в настоящее время следует сосредоточить внимание на городском профессиональном кожевенном ремесле. Данная работа продолжает тему по технике кожевенного ремесла (Курбатов 2009а: 284 и сл.).

Прежде всего надо предполагать, что основные виды кожевенного сырья, используемые в определенной региональной социальной среде, будут отражать основные виды разводимых здесь домашних животных. Хотя бы потому, что для организации стабильного и массового производства, каким является изготовление кож, необходимо стабильное поступление сырья, что может обеспечить хозяйственная деятельность в данном регионе. Также можно полагать, что в разных регионах, специализирующихся на разведении определенных видов домашних животных, шкуры именно этих животных должны преобладать в кожевенном сырье. На сегодня такая тема представляется недостаточно разработанной ни в плане документального источниковедения, ни в разработках археологического материала. В работах археологов, затрагивающих её, можно найти много противоречий.

Для решения поставленных вопросов можно использовать археологические и письменные источники. Каждый источник имеет свои особенности в отражении нужной информации. При использовании письменных источников, например, необходимо прибегать к статистической обработке данных. Частое упоминание кож и шкур в различных контекстах письменных документов заставляет

рассматривать все контексты, пытаясь найти правильные ответы путем систематизации сведений по времени их написания, по количеству и контексту упоминания отдельных названий, по сочетанию разных терминов и названий в одних контекстах. В работе с археологическим материалом необходимы навыки визуального определения вида кожевенного сырья, а также анализа больших выборок предметов.

Порода животного для археологических находок определяется визуально по признакам своеобразия фактуры внешней стороны (мереи) шкуры для каждого вида млекопитающих, преимущественно по форме и расположению на ней каналов волосяных стволов. Кроме того, рисунок мереи различается у животных в зависимости от возраста и участка шкуры. Для основной части шкуры, используемой в ремесле — со спины и боков, — отверстия обычно округлые или слегка вытянутые, что зависит от угла наклона волосяного ствола. На брюшине отверстия возле устья более вытянутые. Для опойки и выростка каналы расположены ближе друг к другу, а для яловки и бычины — более разреженно. Эта особенность всех пород млекопитающих, количество волос у которых, на единицу поверхности, заложено генетически и с возрастом не меняется. У взрослых особей устья крупнее, чем у телят (рис. 1—4).

Визуальное определение породы животных еще недостаточно учитывается в археологических исследованиях, но может быть выполнено практически на любой коллекции и не требует применения сложной аппаратуры или методики. Единственным обязательным условием является сохранность мереи. Детали со стертой мереи могут определять только специалисты на основе различий в гистологии шкур (Зыбин 1968; Шестакова 1968).

Опыт определения пород животных по археологической коже получен автором при изучении коллекций ряда древнерусских городов. Самая большая коллекция (более 82 тыс. единиц кожи) составлена при раскопках Тверского кремля в 1993—1997 гг.

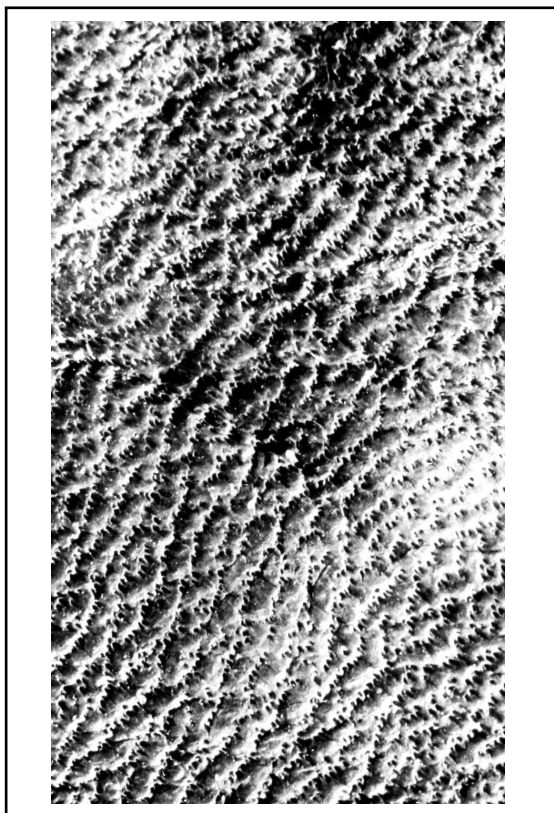

Рис. 1. Рисунок мереи крупного рогатого скота. Выросток. Ивангород, слои перв. пол. — сер. XVI в.

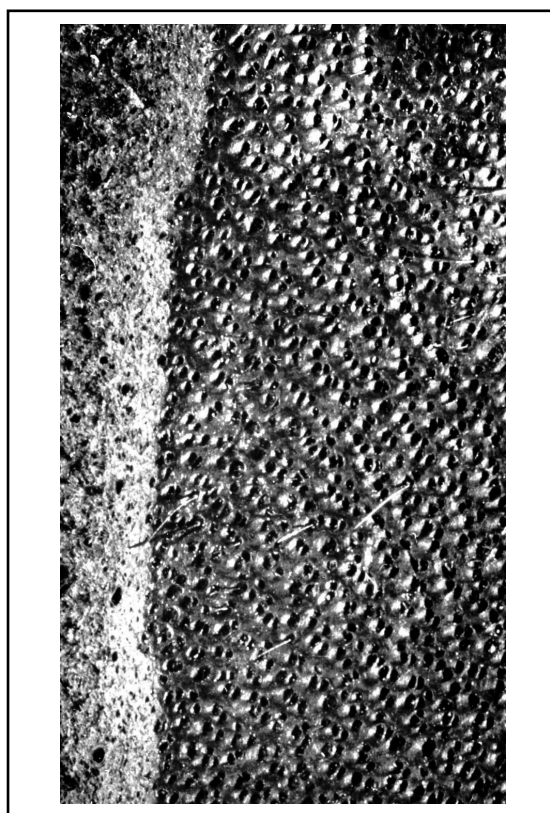

Рис. 2. Рисунок мереи крупного рогатого скота. Полукожник. Ивангород, перв. пол. — сер. XVI в.

(Курбатов 2004а: 9—15). Определение было возможным для всех групп кожаных предметов кроме подошв и мелких обрезков. В целом, определимость пород по коллекции менее 30%. Было отмечено невысокое качество выделки кож, поскольку менее 70% находок полностью или частично расслоились. Для изделий использовались преимущественно относительно тонкие шкуры крупного рогатого скота (далее — КРС) и значительно реже мелкого рогатого скота (далее — МРС). Это перекликается с высоким процентом забоя КРС в молодом возрасте (от 2 до 4 лет), прослеженным на средневековых городских памятниках северо-запада Руси — в Новгороде и на Рюриковом Городище (Молтби, Гамильтон-Даер 1995: 139). Шкуры КРС, имеющие более прочную структуру коллагенов, шли на изготовление кожи для верха и низа обуви, а также иных изделий, эксплуатация которых предполагает большую механическую нагрузку на разрыв. Шкуры МРС, в основном, использовали для верха мягких низких туфель, для пошива небольших сумок и кошельков, т.е. там, где особая прочность была не нужна, а эстетические требования и вкусы потребителей склонялись в сторону удобства. Единичными были находки сыромятной кожи свиньи, шкуры лошади, бобрового хвоста и неопределенного (дикого?) жи-

вотного. Визуально выразительны изделия и обрезки из хвоста бобра (рис. 5).

Определения пород выполнялись ранее на отдельных коллекциях из Пскова, Новгорода Чернигова и Ивангорода. Для Пскова — это коллекция 1958 г., содержащая детали и обрезки — предметы широкого временного интервала — с XI по XV вв. Среди находок определены 132 единицы КРС и 101 единица МРС, с преобладанием последнего для верха туфель XI—XIII вв. В Новгороде просмотрены материалы Кировского раскопа за отдельные годы и по ним получено соотношение 58: 40: 2 для основных пород домашних животных: КРС — МРС — свинья. В материалах Ивангорода 1988 г., где преобладают изделия второй половины/конца XVI — начала XVII вв., соотношение КРС — МРС было как 37: 5, а для Чернигова, по материалам XV—XVI вв., соотношение этих пород — 17: 9 (Курбатов 1991а: 131, 134). В данных коллекциях шкура свиньи встречена только на Кировском раскопе. Минимальное число деталей из шкуры свиньи по отношению к другим породам домашних животных позволяет предполагать эпизодическое использование их для выделки кож.

Современные исследования палеозоологов показывают, что надо искать иные объяснения полученным видовым данным по численно-

сти костей в средневековых городах. Прежде всего, состав костных остатков в городах отражает только пищевой рацион древних горожан, а не состав стада сельского населения, преобладающий в каждый исторический период. Для определения значения животных в хозяйстве изучаемого населения очень важными являются данные о возрасте забиваемых животных. Теоретически, преобладание в кухонных остатках костей молодых животных палеозоологи считают свидетельством преобладания мясного направления в скотоводстве, а увеличение доли костей взрослых и старых животных связывают с усиленной молочной эксплуатацией вида (для коров, кобыл и коз) или широким использованием тяглых животных — крупного рогатого скота и лошадей (Антипина 2003: 20—28).

В работах этих специалистов делаются и попытки реконструкции условий содержания животных, в том числе их обеспечение кормами. Наблюдения показывают, что в лесной полосе Восточной Европы в средневековье доминирует традиция кормления животных такими грубыми кормами, как ветки, и кора деревьев, что предполагает свободный выпас их даже в зимнее время. Данный вид

корма, особенно зимой, имеет выраженный дефицит биохимических соединений, жизненно необходимых для нормального развития домашних животных. Этим объясняется мелкопородность скота в лесной зоне Европы на протяжении всего средневековья и даже ранее. В некоторых регионах и городах, например, в средневековой Казани, мелкопородность домашних животных, установленная по костным остаткам, связывается с доминированием русского населения (Асыргараева 2003: 130—136).

Предлагаемое направление исследований средневекового кожевенного ремесла имеет давнюю традицию в европейской исторической науке. Можно отметить такие общие работы по анализу сырьевой базы кожевенного дела в странах Восточной и Западной Европы, например, для городов Польши, основанные на археологических и письменных источниках (Radek 1997; 1998; 1999).

1. Виды кожевенного сырья

Рассмотрим документальные источники, преимущественно XVI—XVII вв., отмечающие шкуры домашних и диких животных.

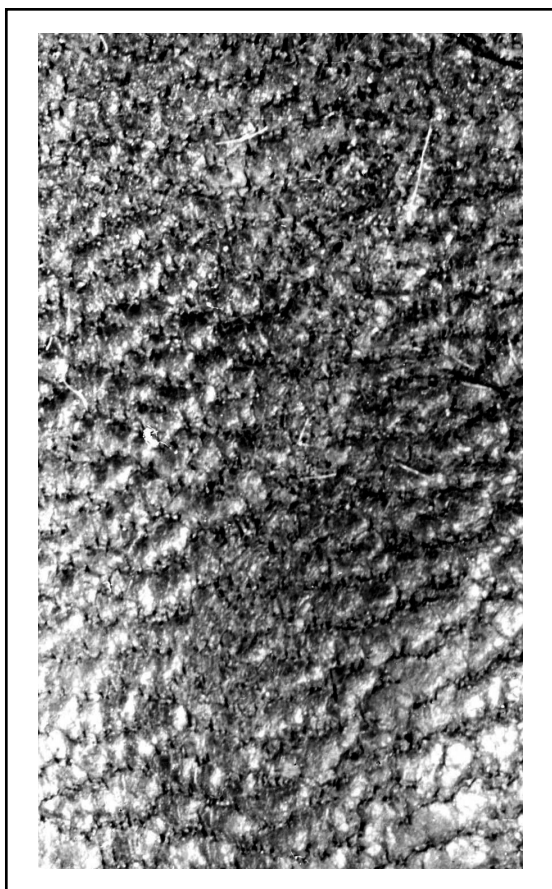

Рис. 3. Рисунок мерей конской шкуры. Ивангород, слой перв. пол. — сер. XVI в.

Рис. 4. Рисунок мерей мелкого рогатого скота. Козлина. Ивангород, слой перв. пол. — сер. XVI в.

При их анализе выделяются частные вопросы, касающиеся практики получения кожевенного сырья, — способов и времени забоя животных, снятия с них шкур, сведения о разделении сырья по видам и возрасту животных, о топографии, пороках и браковке шкур.

1.1. Способы забоя животных

Можно различать три варианта получения шкур:

1. Плановый забой избыточных домашних животных в личных хозяйствах, проводившийся поздней осенью. Это отмечал в XV в. А. Контарини, описывая свою поездку в качестве посла Венецианской республики ко двору персидского шаха Узун-Гасана. Пребывая в России с 25 августа 1476 г. по 21 января 1477 г., он наблюдал обычаи москвичей: «К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город» (Иностранцы о древней Москве, 1991: 8).

2. Сезонная охота и промысел лесных и морских животных. Эти занятия в основном проводились осенью и ранней зимой, когда все животные сохраняют свои лучшие кондиции, а молодняк уже подрос. Наиболее часто охота и промыслы упоминаются в документах по районам традиционно звероловного промысла — Сибири и Русскому Северу.

3. Внеплановое (эпизодическое) снятие шкур. Сюда относятся шкуры домашних животных, снятые с павших или умерщвленных зверем особей — *зверобойные* (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 351). Возможные причины падежа — бескормица, загон от работы, старость, эпидемии. Такие животные и шкуры с них нередко выделялись по названиям. Так, *мерлиной* называли шкуру павшей овцы: «[1588] Оксен жа принес монастырских кож 30 телятинак малых мерлин да... 10 кож меховых... да 10 кож подошевных целых» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 102). Н.В. Устюгов отмечает слово *харавье* в значении «кожа, снятая с павшей скотины» (Устюгов 1950: 190). Снятие шкур с павших лошадей иногда отмечали летописи, что не прослеживается в отношении других животных. В Лаврентьевской летописи сообщается: «[1042] Помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышущимъ конемъ съдираху кожи [по вар.] с нихъ: толикъ бе бо моръ в конихъ». Есть и запись XVI в.: «[1585] Дано бобылю Волку алтынъ, что онъ снялъ съ троихъ лошадейхъ (так!) кожи» (СлРЯ XI—XVII вв., 26: 8).

Мы не всегда знаем о причинах падежа скота, что может иметь значение для оценки санитарно-эпидемиологической обстановки

в регионах. Хозяйственные записи на объяснения скупы: «[1675] С монастырской падежной коровы наймовано кожа снимать, дано 4 денги» (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 118). Наверное, следует считать, что моровых животных чаще всего закапывали или сжигали, не снимая шкуру: «[1637] А досталные четьре олени гсдрвы померли в прошлом ... году осен[ь]ю поветреем и коростою, и кожъ с них не снимали» (СлРЯ XI—XVII вв., 15: 156). Но есть и свидетельства обратного: «[1693] Падежною смертию померло двенатцать теленков опойчатых, опойки сняты» (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 28).

1.2. Разделение шкур по времени забоя

Это деление связано с различиями в толщине и прочности шкуры, а также стойкости меха у животных, убитых в разное время года. Оно вызвано годовым циклом изменений в организме животных вследствие различного питания — т.е. калорийности пищи, а также энергозатрат на жизнеобеспечение в зимний и летний сезоны. Такое деление важно и для домашних, и для диких животных. В источниках упоминаются зимний и весенний забои: «[1682] Отпущено... двацет(ь) шесть оленьих кожишекъ зимних и вешних» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 221). Наиболее ценилась шкура, снятая поздней осенью или ранней зимой, когда животное сохраняет запас жира, нагулянного летом. Качественные различия шкур, снятых в разные месяцы, можно сопоставлять с товарной стоимостью мехов и шкур животных осенне-зимнего и весеннего сезонов. По этому вопросу О.Н. Вилков писал, что в Сибири промысловики старались попасть на места промысла к моменту вылиньки зверя, которая у пушных зверей обычно заканчивалась к ноябрю. Мех животных, убитых в ноябре — феврале, имел наиболее

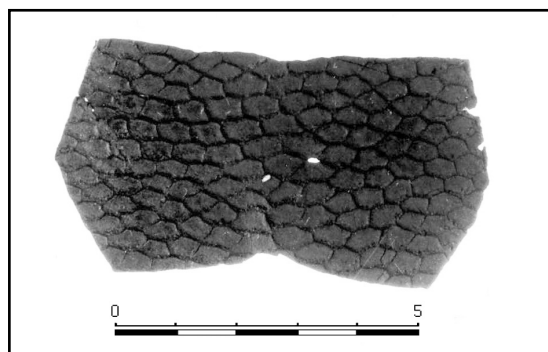

Рис. 5. Обрезок из хвоста бобра. Тверской кремль, слои посл. четв. XIII — перв. пол. XV в.

полную, крепкую и мягкую ость, поэтому он ценился дороже меха другого времени года. Для сравнения: осенняя беличья шкура стоила 3 деньги, а весенняя — только 1—2 коп.; осенняя лосиная шкура стоила 3 руб. 50 коп., а весенняя — 2 руб. 50 коп. Также различалась стоимость мехов и других добываемых животных (Вилков 1967: 222—223).

В разных регионах России издавна существовали особые названия для животных, убитых в определенный сезон. Так, в Сибири *одындрой* называли шкуру оленя, убитого осенью (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 296). Это слово сохраняется и в XX в. наряду с другими названиями животных осеннего забоя — *кукуя* и *покровка* (СРНГ, 16: 49; 25: 17; 29: 10). В Европейской России убитого осенью оленя называли *осенчаком*: «[1659] Куплено в казну у Васки Козлова две оленины осенчаком, цены дано за обе. с. алтнъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 85).

Напротив, плохими считались шкуры животных весеннего забоя. Мех таких животных даже особо предписывали не брать в государственную казну при сборе податей: «[1639] А худых соболей и вешныхъ и недособолей въ государевъ ясакъ не имати» (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 90). Весенние меха, шкуры и сами животные имели свои названия. Шкуры перезимовавших домашних животных называли *озимок*: «[1580] Купил... меншой казначей Яким холстов... и азимков, и от дела дал от тритцати опойков» (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 309). В Забайкалье в 1970-е гг. термином *солга* отмечали весенние шкурки хорька, имевшие плохое качество (СРНГ, 39: 254). Форма ряда записей показывает уничижительное отношение к шкурам весеннего забоя: «[1678] А с собою поплавил устюжской поупки на явленные деньги 400 белки, 30 горностев, 7 лосинишек вешныхъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 284—285).

В то же время терминология качества шкур и меха в зависимости от сезона забоя, судя по этнографическим данным, может быть противоречивой. В Сибири до настоящего времени широко используется название *барловина* применительно к осенней шкуре дикой козы, ценимой за большую прочность (СРНГ, 2: 117—118). Между тем, М. Фасмер дает противоречащее этому толкование происхождения слова, восходящего к восточно-сибирскому диалектному *барлой* — «весенний, выцветающий низкосортный мех» и, видимо, связанного с диалектным *борла* — «косуля» (Фасмер 1996, I: 127). В сибирских диалектах русского языка сохраняется слово *барловина* — в значении шкура дикой козы, убитой весной, имеющая «непрочную, длин-

ную, редкую шерсть и вся в свищах» (СРНГ, 3: 101).

1.3. Способы снятия шкур

Сам процесс в XVI—XVII вв. назывался «снимати шкуру» и в Новгородской лавочной книге он даже отмечен как особое занятие: «[1583] Место лавочное Иванка снималника с Ыворове улицы» (СлРЯ XI—XVII вв., 25: 258). В XX в. на Русском Севере говорили «сойми кожу», а также *окорнать* — «содрать, снять шкуру» (СРНГ, 23: 154; 39: 230). Возможно, с этим глаголом надо связывать и название кожи — *окоренок*: «[1626] Яв (иль)... Кедарко 5 лосинок, 21 кожа ялович[ь]я, конина, 2 окоренка, 2 опойка» (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 338).

Среди способов снятия шкур различаются традиционный — с разрезанием её вдоль брюха животного, и *непоротый* — снятие шкуры трубкой, чулком, когда она не разрезается. Первым способом снимали шкуры домашних животных, а вторым — в основном меховые шкуры: «[1588] Барсь наметной непорот»; «[1647] Одиннадцать сороковъ семь соболей въ коскахъ, нематые и непороты, съ пупки и съ хвосты» (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 227). Уникальной археологической находкой остается непоротая шкура домашнего животного — «козица» из слоя XV в. в московском Старом Гостином дворе (Векслер, Осипов 2000: 155—156).

1.4. Топография шкуры

Это деление шкур и кож связано с различными свойствами материала, относящегося к разным участкам тела животного. На кимрской фабрике в 1940-е гг. «в шкуре каждого животного при раскройке различают следующие части: чепрак — спина, пола — живот, огузок — задняя часть» (СРНГ, 29: 30). Но топография шкур не исчерпывалась этими терминами. В XVI—XVII вв. прежде всего различали спинную и брюшную части шкур. Известны термины *почеревье* — «брюшная часть туши, а также полоса кожи с брюха животного» (СлРЯ XI—XVII вв., 18: 67), и *пашина* — кожа с паховой части брюха животного: «[1617] Да Кожевного ряду Дениску Иванову за кожу за 4 пашины 22 ал[тына]» (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 181). Еще в 1920-х гг. фиксируется термин *пахи* — кожа, идущая на стельки и поднаряды (СРНГ, 25: 290). Этот участок шкуры имел меньшую прочность и использовался кожевниками на второстепенных деталях (рис. 6).

№5. 2010

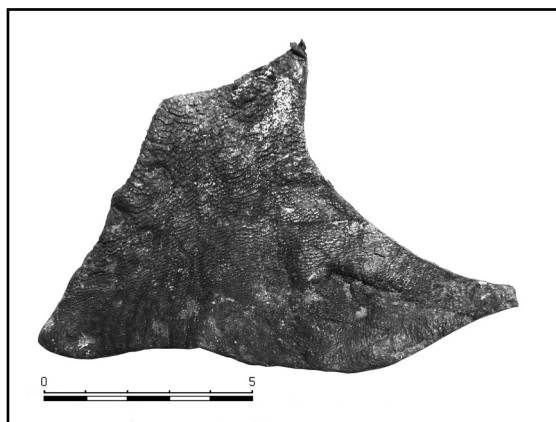

Рис. 6. Пашина. Козлина. Рюриково Городище, раскопки 2003 г., первая половина XII в.

Лбина или *лобь* — это головная часть, отрезаемая от целой кожи во время дубления и продающаяся отдельно по более низкой цене. *Лбы* использовали для второстепенных обувных деталей — набоек, поднарядов и прочего. В источниках XVII в. отмечены *белые* и *задубленные лбы* — т. е. сыромятные и дубленые. По видам животных известны упоминания только *конинных лбов* (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 188; 8: 182, 262). Иногда эту часть шкуры называли *голова*: «[1696] Августа в разных числах на коровеи двор пастуху и коровницам и коровникам на конюшню погонцам и поваренным мал [ь]ком вышло дубленой кожи на заплаты две головы ис полами» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 12). Принимая употребление прилагательного «лобский» от топографии тела животного, можно говорить об использовании этой части кож для пошива рукавиц и кожанов: «[1633] Того же дни усолец Гришка Иринин явил товару... 13-ры рукавицы лобские, кожан лобской...» (СПЛ XV—XVII в., 2: 62—67). В археологических материалах лбы выделяются чрезвычайно редко. Единственная фиксируемая находка сделана в Риге в слоях XIII в. (рис. 7). Латвийские археологи посчитали её кожаной маской, аналогичной предметам из Новгорода (Celmiņš 1998: cat. № 78; Овчинникова, Копнина 2000: 118 и сл.).

В хозяйственных документах часто упоминаются *кожи передовые* и *воротовые*. *Воротъ*, *вороток* — это часть шкуры у шеи и груди животного. В конце XIX — начале XX в. её также называли *шиворот* (Поварнин 1912: 232). Раннее упоминание относится к 1589 г.: «Купил старец ... двои полы красные с воротами да двои белые да пят[ь] телятин поднарядных» (СПЛ XV—XVII в., 1: 100—101). Их различают по породам животных: «[1672] 12 кож передовых, 8 воротов телятинных, 40 борашков белых, 50 опойков» (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 73). Но термин *во-*

роты обозначал не только топографический участок шкуры, но и служил единицей счёта кож. *Вороты* часто использовали для нарезания ремней, например, для заверток (петля или кольцо для прикрепления оглобель к саям) и т. п.

Пола — бок, край шкуры или выделанной кожи, разрезанной вдоль по брюху, а также плотнице меха или выделанной кожи (рис. 8). Они различались по выделке (*красные*, *белые*, *мячинные*, *дубленые*) и видовой принадлежности (*коневые* и *телятинные*) и назывались уменьшительно *полками* (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 203; 16: 189, 221). Другое название этой части шкур — *бок*, *побочина* или *окраекъ* — край чего-либо, кусок с краю (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 341; 15: 133; ТКМГ, III: 15). Они также могли выступать в качестве единицы счёта (СПЛ XV—XVII в., 1: 49).

Огузок — шкура и кожа с задней части животного (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 260; СРНДРС, 1991: 173, 174). Эта часть шкуры у лошади отличалась большой прочностью и имела особое название. В XIX в. её называли *савер* или *савёр*, а в кожевенном деле — *шпигель* (СРНГ, 36: 14; Поварнин 1912: 229). Слово пришло в русский язык из тюркских языков, означая «кожа со спины лошади» (Фасмер 1996, III: 542). Впервые оно фиксируется во второй половине XVII в. во множественном числе (*савры*) в значении «четырёхугольные куски кожи, прикрепляемые по обеим сторонам седла для защиты ног от трения о стременной ремень» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 11). Позднее в русском языке закрепилось французское название — *шагрень* (Фасмер 1996, IV: 394; Шанский, Иванов, Шанская 1971: 498).

В этой связи можно рассматривать и слово *хаз* — *хоз*. М. Фасмер и В. Даль приводят его в значениях названий шкур различных

Рис. 7. Лбина. Рига, слой XIII в. Взято из: Celmiņš 1998: cat. № 78.

животных, в том числе козых (Фасмер 1996, IV: 253). Иное толкование дает Г. Поварнин, называя *хазами* только участки конской шкуры по сторонам крупа (Поварнин 1912: 231). Этимологическая близость и взаимозаменяемость слов *хаз* (*хоз*) — *каз* (*коз*) в древних языках, видимо, нельзя распространять на XVI—XVII вв., когда *хозовыми* называли кожи из конской шкуры. Не случайно описание ножен, покрытых *хозами*, предполагает их «турское» — турецкое, крымское изготовление, откуда, вероятно, пришло и слово *савры*.

Особые названия имели шкуры с ног животных. Известны названия *портки* — шкура с задней части ног лошади от бедра до колена, и *гачи* (СлРЯ XI—XVII вв., 17: 131), отчего в Сибири были в ходу слова *огачина* и *огачивать* — т. е. снимать шкуру с ног убитого животного (СРНДРС, 1991: 91; СРГС, 3: 56). Кроме этих коренных русских названий в Сибири бытовало и слово *камась*, *камось* — шкура с голени оленя, лося или изюбра, идущая на изготовление рукавиц, обуви, подбивку лыж: «[1651] Явилъ продать... 64 оленины, четырнатцатеры кисы олени, шестнатцатеры камасы, две ровдуги» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 40).

Кроме перечисленных названий топографических отделов шкур животных известны и другие, редко употребляемые, например, *половинная кожа*, прилагательное к слову *половина* — полотнище меха или кожи, сшитое из определенных (брюшных, горловых) частей шкурки животного: «[1651] Товару явил [Борис Григорьев] продать... 24 ворота кож белых половинных, да кожу дубленную» (СлРЯ XI—XVII вв., 16: 232). Кроме указанных отделов шкур, в древнем хозяйстве применялась и кожа семенного мешочка мужских особей млекопитающих — мошонки. Такие

кожи иногда встречаются среди археологических находок (рис. 9).

1.5. Деление сырья по возрасту животных

Для кожевенного ремесла важно то, что шкура разных возрастных групп животных сильно различается по качеству (прочности, эластичности и другим характеристикам), толщине и площади. Поэтому они получали особые наименования. Обычным было деление шкур по стабильным, хорошо известным периодам жизни и взросления животных, используемым с древности до настоящего времени. Наименования возрастных групп, кроме того, могли различаться по видам животных. Так, у крупного рогатого скота выделяли шкуры и кожи: бычьи, короветины, яловицы, выростки, телятинки, опойки. Для некоторых животных, преимущественно пушных, имеются и другие обозначения возраста, бытовавшие среди промысловиков, заготовителей и торговцев пушниной, о чем будет сказано особо.

Считая по восходящей линии возрастных групп, самыми молодыми животными, чьи шкуры использовались в хозяйстве, были еще не родившиеся особи. Шкурку животного, вынутого из убитой самки, называли *выпорток*: «[1678—1679] Апреля в 1 день Андрей... явил по туглимской выписи 40 заячин, 20 белок, 5 выпоротков оленьих» (ТКМГ, III: 207).

Далее на этой возрастной шкале стояли молочные телята, т. е. питающиеся молоком матери. Для сырой или выделанной шкуры телят КРС, которая считалась высокосортной, широко бытовало название *опоек*, *опоенко*. Так же называли шкуры молодых лосей и шкурки молодых пушных зверей, используемые в основном для отделки края одежды: «[1626] Яв(ил) Степан... 4 норки, 2 недокуни, 4 опоек лосиных да 3 теляч(ь)и» (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 26). Видимо, некую особую возрастную ступень этой группы представляет *пыжик* — шкура оленя и сам теленок трех — шести месяцев, еще не имеющий рогов (Аникин 2003: 498). «[1699] Явил... Федоръ Сидоровъ... двенатцать лисицъ красных, выдра, два пыжика» (СлРЯ XI—XVII вв., 21: 81). Для овец молодняка существовали названия шкур — *смушек* и *пыжик*, в основном бытовавшие в среде скорняков и меховщиков: «[1570] Тотъ детина... взять потаемне коробку, въ которой было... три футры смушковъ, китликъ бараней» (СлРЯ XI—XVII вв., 25: 221). Отметим, что первое из этих слов пришло в русский язык из польского.

Рис. 8. Обрезок с края кожного листа. Псков, комплекс к. XV — нач. XVI в.

Рис. 9. Кожа мешочка, содержащего мужские половые железы млекопитающих животных — мошонки. Старая Ладога, слои вт. пол. IX в.

Промежуточной возрастной группой, между опойком и выростком, надо считать *телятины*, *телятинки* — шкуры телят, иногда с уточнением размеров (малые и большие). Так же, как и другие кожи, *телятинки* делали белыми или на ирхи, или дублеными. Выделяются и топографические участки шкуры, продаваемые отдельно, например, *вороты* (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 34; 4: 368; 6: 249—250; СРНДРС, 1991: 155).

Выросток — это шкура животного годовалого возраста. Животные, не достигшие этого возраста, назывались *недоростокъ* (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 94). По своему значению с *выростком* сближается название *селеток* — животное, родившееся в нынешнем году, а также его шкура (СлРЯ XI—XVII вв., 24: 42). В источниках отмечены *выростки* разных животных — *коневые*, *говяжьи*, *телятинные*, *жеребятинные* и *выростки опойки* (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 36, 243; 5: 92—93; 9: 254). Кожевники в XIX в. кожи этой возрастной группы животных от КРС и лошадей называли *полукожник* (Поварнин 1912: 228). Шкуры молодых лосей называли *волиной* (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 313).

Яловица — шкуры взрослых молодых коров, определенно выделяемые среди других сортов: «[1588] Оксен жа привез 11 кож белых яловичих, ... да 10 телятинок и жеребятинок выростков, да 60 овчин и опойков» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 243). Продавали как сырые, так и выделанные кожи, дополнительно разделяя их по размеру на кожи *малой* и *большой руки* (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 221). Такое разделение можно уже считать указанием на породу животного — мелкую или крупную.

Короветина — шкуры взрослых коров, имели широкий спектр использования — для обуви, деталей одежды и различных хозяйственных нужд, в т.ч. для обивки дверей: «[1589] Две кароветины куплены обивали у полати двери» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 334—335).

Бычина — всегда отмечается источниками по причине большой ценности этих шкур в хозяйстве. Они наиболее толстые и большие по площади, их обрабатывали на сыромять для изготовления всевозможных ремней, например, для конской упряжи, а также для особо прочных подошв и рукавиц (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 368; СОРЯ, 1: 332). Отмечено использование бычьих кож для квасных мехов: «[1581] Меншой казначей Саватей в меншую казну купил щан болшой кожевний да купил 8 кож быковых на квасные мехи» (СПЛ XV—XVII в., 2: 62—67). Эти же кожи, судя по переводам римских сочинений, называли *волина* и *волуй*: «[XVI > XI в.] Иосип... съвокупил делателе, да быша выше създали стены. О нем же не могущем от каменья и стрель, и съ[и] покровъ им устрои новодраными кожами волуями» (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 399).

Особую группу наименований дают морские животные, что распространены у поморов и на Русском Севере. Годовалого тюленя там называли *серкой*, а тюленя на третьем году жизни — *лысаном* (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 317; 24: 90).

1.6. Разделение сырья по видам животных

Шкуры крупного рогатого скота наиболее широко использовали для выделки кож — на обувь, детали одежды и другие бытовые изделия. В записях всегда различаются названия кож по возрасту и часто — по топографии шкуры. Выделяются участки шкуры, продаваемые особо, например, *вороты*. Опойки шли на верхние и дополнительные детали обуви, в частности, на поднаряды (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 34; 7: 87).

Шкуры мелкого рогатого скота использовались для выделки кож для различных изделий. В письменных источниках часто отмечены *козлины* и *бараны*, *боранцы* — выделанная баранья шкура взрослых особей. Иногда уточняется вид обработки и цвет — сырые, белые, красные, вишневые. Их использовали при изготовлении обуви, седел, чулок, обивки вставиков (?), мехов для воды. В документах XVI—XVII в. *козлины* различают по выделке — дубленые (красные), замшевые

и сафьян. Обычным было и использование меховых шкур МРС. Овчина в древнерусском языке называлась *милоть* и *милотарь*, но также, вероятно, называли овечью и козью шкуры и одежду из овчины, козухи: «[XI—XII в.] Три ошьмъца... носяще ризы от сивина и мелотаря»; «[1558] Моляще ю... прияти от него ризу нову с милотаремъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 156). Шкуры различали по возрасту, особо выделяя *мерлушку* — шкурку с ягненка грубошерстной породы овец в возрасте до 2-х недель. Из меховых шкур делали кафтаны, шубы и другие виды верхней теплой одежды СлРЯ XI—XVII вв., 1: 71—73; 5: 92—93; 6: 249—250; 7: 218—220; 9: 102; 20: 120). Также они служили для меховой отделки, например, *извороты*, в том числе и для обуви.

Конские шкуры имеют особое строение коллагенов дермы, что определяет большую плотность и прочность выделанной кожи. В письменных источниках различаются *конины* — белые, дубленые, небольшие мячилыные, выростки, камасы. Кониная сама являлась товаром, а также шла на изготовление изделий, для которых требовалась высокая прочность, например, кузнечные мехи, рукавицы и иное. По возрасту выделяются *конины* (*конинки*) и *жсеребок* (*жсеребятина*), но они же были и показателем определенных качеств кожи (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 243; 4: 369; 5: 92—93; 7: 277; Вахрос 1959: 101—102). Наиболее плотную и гладкую поверхность имеют *хазы* — задняя половина спины вдоль хребта. Название *хазы*, *хаз* или *хоз* (*газ* — *гоз*) в русском языке отмечено только для шкур лошадей: «[1596] А что ему (гонцу) велено привезти московскихъ товаровъ, и тому роспись... 2000 полукожъ лошадиныхъ на гзы» (СлРЯ XI—XVII вв., 16: 267).

Шкуры верблюда следует упомянуть для полного охвата видов кожевенного сырья в древнерусских городах. О том, что верблюды были известны на Руси, свидетельствуют находки костей этих животных. М. Д. Полубояринова отмечала их в Киеве, Вышгороде, на городищах Боршевское и Титчиха, что показывает, как далеко заходили иногда караваны с Востока. Кости верблюда часто находят на средневековых памятниках Среднего Поволжья — в Болгаре, Биляре и Муромском городке (Полубояринова 2008: 93; Петренко 1984: 110—111). Кроме того известно, что при раскопках В. В. Седова 1967—1968 гг. в кремле Суздаля были найдены кости двугорбого верблюда (Седова 1997: 184), а плюсневая кость верблюда отмечена в Москве в комплексе середины — второй половины XVI в. (Осипов 2009: 237). В Нижнем Подонье кости верблюда выделе-

ны на Правобережном Цимлянском городище и на Карнауховском поселении (Плетнева 1967: 147—148).

В изобразительных источниках рисунок верблюда определен на фреске XI в. из Софийского собора в Киеве (Высотский 1989: рис. 55). Более позднее изображение животного имеется на «Четырехчастной» иконе, написанной для Благовещенского собора Московского Кремля в 1547—1551 гг. под руководством иерея этого собора Сильвестра (Осипов 2009: 239).

Самое раннее упоминание верблюдов в русских средневековых письменных источниках есть в Ипатьевской летописи, в повествовании о взятии Киева войсками Батые: «И бе Батьи у города и отроци его объедяху град, и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его» (ПСРЛ. Т. II. 2001: стлб. 784). Другое упоминание имеется в Псковской летописи под 1464 г., когда псковичи обратились к Ивану III с просьбой о поставлении в Псков своего владыки (архиепископа): «И князь велики подоумав со отцом митрополитом Феодосием, что не мощно бытии во Пскове владыки, зане же искони не бывал стол во Пскове, и подариша посла верблудом» (ПСРЛ, 2003: 71). Упоминание шкуры верблюда как кожевенного сырья прослеживается только для XVII в.: «[1644] Облещися въ сыру кожу верблужью, и на святомъ его теле та кожа верблуждья сырая как прилнувъ, такъ и обсохла и бысть яко на древе пригвождена и недвижима ни мало» (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 169).

Шкуры свиней отличаются особой прочностью и эластичностью. Но в источниках XVI—XVII вв. свиная шкура упоминалась очень редко. Единственная найденная запись относится к таможенной книге Тихвинского монастыря: «[1664] Явил костромитин Микита Иванов Суботин шестьдесят юхтеи боранов красных... двести рогож, сорок кошелеи свинных, тритцат[ь] четыре пуда гривы коневы» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 394). Ограниченное использование свинных шкур в кожевенном деле в средневековье можно связывать с высоким содержанием в них жиров, выведение которых при обработке требует нерационально больших затрат времени и физических усилий (на разминание), если учитывать большую толщину материала. Кроме того, свиная шкура имеет более рыхлую структуру, т. е. связь коллагенов разных слоев кожи неравномерна, что вызывает расслоение кожи. Дубленые же свиные кожи, кроме всего, пропускают воду: «[1959] Резина да свинина, а скотной кожи не увидишь топерь. Свинина та непрочно, вода сквозь идет» (СРНГ, 38: 117). Эти естествен-

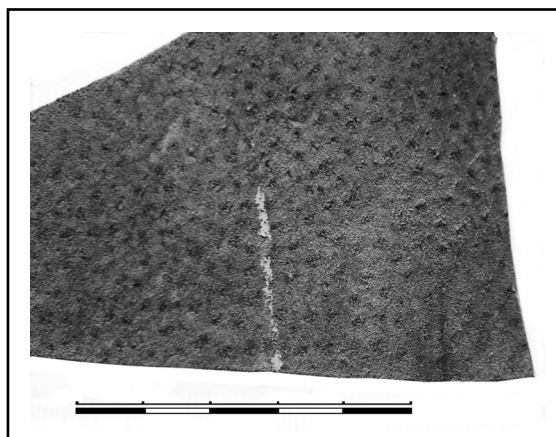

Рис. 10. Выделанная кожа свиньи, спилкок. Современное квасцовое дубление. Вид с бахтармы.

ные недостатки не компенсируют преимуществ сыромятной свиной кожи — большую прочность на разрыв. Трудности обезжирения шкуры и, следовательно, невозможность её качественного дубления, а также проницаемость для воды определяют ограниченное использование сырья в средневековом производстве — для сыромяти. Только в новое время свиные шкуры стали дубить квасцами, а затем и разрезать по толщине — на *спилки* (рис. 10).

Шкуры лосиные и оленьи — как сырые, так и выделанные, а также изделия из них часто обобщенно называли *лосина* и *оленина*. (рис. 11). Лосиные кожи сами были довольно ценным товаром, и в письменных источниках их качества всегда отмечают — маленькие, средние, толстые, *сохатина*, *лосинки деланные*, *вешняя кожа*. Их назначение — узда, постели, одеяло, обувь. В большинстве своем источники информации относятся к регионам Сибири и Русского Севера (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 16, 313; 7: 34; 8: 284—285; 22: 103, 216; 25:

43; Вахрос 1959: 101—102). Шкуру оленя, убитого осенью, — *одындру* — широко использовали для пошива теплых одеял и спальных мешков (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 296).

У аборигенов Севера и Сибири русские заимствовали многие слова, связанные с животными, например, *калга* — оленья шкура с шерстью. В документах *калга* выступает как товар, идущий преимущественно на подбивку лыж. Широкое применение имел *камась*, *камышь*, *камышь* — шкура с голени оленя, лося, изюбра и т.п., идущая на подбивку лыж, на меховые сапоги, рукавицы, сшитые шерстью наружу. Русское население Сибири называло *камасом* и шкуру лошади. В документах упоминаются кожи и других животных из семейства оленей, например, *кабарги* (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 8; СПЛ XV—XVII в., 2: 62—67). В особых ситуациях *камасы* служили пищей (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 34, 40, 51; Вахрос 1959: 101—102). У сибирских народов русские заимствовали и названия лося, встречаемые в документах со второй половины XVII в., например, *сохатина* (СлРЯ XI—XVII вв., 26: 255), и деление лосей по возрасту на *сууны* (полугодовалые животные) и *тыгыши* (годовалые лосята или их шкуры) (СРНДРС, 1991: 152, 158). В то же время русское население использовало и свои исконные названия возраста лосей, применяемые к другим домашним животным, например: «4 опоек лосиных» и *волина*, означавшее молодое животное (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 313; 13: 26).

Шкуры собачьи упоминаются, в основном, в качестве меха и меховых изделий, но отдельные источники указывают и выделанные собачьи кожи: «[1694] Полтора ста шапок собачьих и столько же башмаков... сделать».

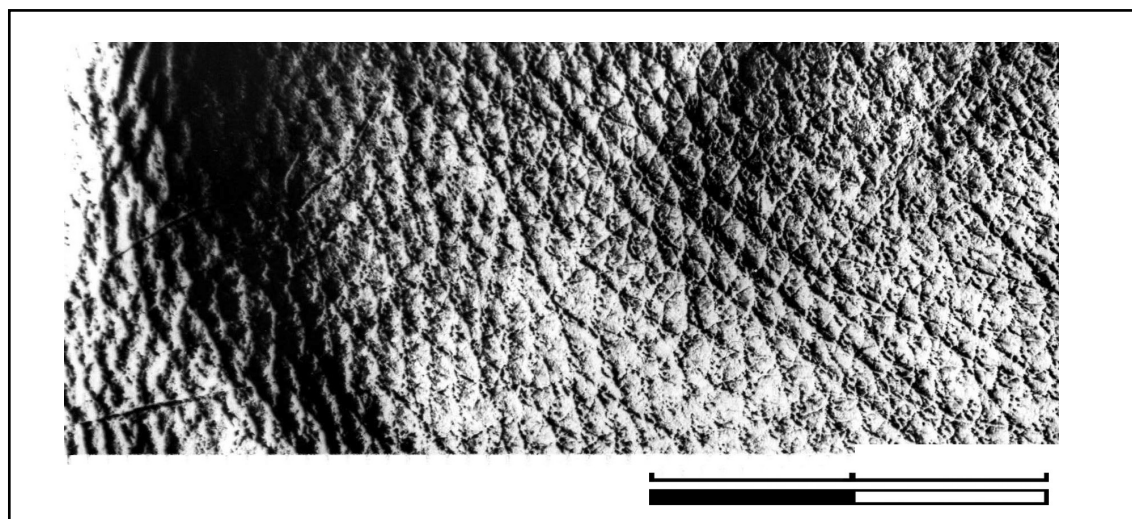

Рис. 11. Рисунок мереи шкуры северного оленя. Пустозерск, слои XVII в.

Слово *собачка* означает и *лайку* — сорт мягкой кожи, первоначально собачьей, годной для изготовления перчаток, деталей одежды и обуви: «[XVII в.] Часы въ собачке немецкой, подъ ними въ шкатулке черниленка да песочница». Различали *лайку сырую* и *деланную черную*: «[1683] Колмогорецъ Андреи Федоровъ сынъ Никифоровыхъ явил... пять кожиць телятинныхъ, восемь кож лайковыхъ деланыхъ черныхъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 165; 26: 12; СПЛ XV—XVII в., 2: 68—69; СлРЯ XVIII в. 11: 109; 16: 179).

Шкуры медведя упоминаются редко, в основном как меха и меховые изделия, например, подстилка и покрывка в саях (СРНДРС, 1991: 74). Но известны и медвежьи кожи, например, указывающие на не совсем понятную специализацию сапожника в Ярославле: «[1668] Во дв[оре] Микулка Иванов сапожник медведной» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 56). Медвежья кожа шла на заплатки на ладони рукавиц — *надолонки*: «[1746] С рукавицами своими из лап волч(ь)их с надолонками из медвежьей кожи» (СРНДРС, 1991: 79).

Шкуры бобра в археологических коллекциях представлены изделиями и обрезками, вырезанными преимущественно только с хвоста. Это очень прочная, плотная шкура с характерным рисунком мерей — наподобие рыбьей чешуи, где границы “чешуек” углублены в кожу и образуют острые края (рис. 5), хотя иногда встречаются и меховые шкуры (рис. 12). Кожаные ножны из хвоста бобра отмечены в раскопе на Ярославовом Дворище, а кожаный наперсток — в Тверском кремле (Арциховский 1949: 120, рис. 44в; Курбатов 2004а, рис. 128: 2). Изделиям из «необычной» чешуйчатой кожи посвящена специальная работа (Матехина 2008: 190—196). Мех и шкуры бобра часто встречаются в письменных источниках. По возрасту животных бобровые шкурки делят на взрослых *бобров*, молодых *кошлоков* и годовалых *ярцов*. Статья в Ипатьевской летописи показывает, что из таких шкур делали колчаны — *тулы*: «[1241] И тулы ихъ бобровые раздра и прлбичее ихъ вольчье и боръсуковые раздраны быша». В документах XVI—XVII в. часто упоминаются *околы хвостовые* и *деланные бобровые шкуры* (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 75, 253; 3: 236; 4: 204; 7: 396).

Шкуры заячьи упомянуты в источниках XVI—XVII вв. как материал для вожжей, ремней, седел. Часто он служит сырьем для скорняка: «[1614] Скорнячново ряду Нефедку заячнинику за 14 хребтовъ заячьихъ, по 8 д[енег] за хребеть» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 344; СПЛ XV—XVII в., 1: 94—95, 232).

Кроме простых *заячин* известна «кожа заячья дутая», но её отличие от других остается неясным.

Указания на **шкуры кошачьи** в источниках могли относиться к разным породам животных семейства кошачьих. В большинстве — это меховые шкурки, но могли быть и выделанные без меха. Все они относятся к документам городов Русского Севера: «[1633] Вологжанин Прокопей Федоров привез на чужем судне... 3 меха кошечьих, 5 мереж да мыла же 8 косяков»; «[1698] Семь кожъ кошечьихъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 392). Или такой: «[1676—1677] устюжанин Иван Нестеров Большой Шапочник приехал ис Сибири, явил... 100 кож кошечьихъ» (СПЛ XV—XVII в., 2: 62—67). В Устюге существовала даже специализация по скупке мехов — *кошечник* (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 395).

Шкуры сайгака упоминались только один раз — в астраханских актах, т.е. можно предполагать их использование в Московском государстве только в регионе, прилегавшем к калмыцким степям и полупустыням, где водятся сайгаки: «[1654] Да рухледи налицо: кожан сайгачей, две кошмы белых» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 21).

Шкуры морских животных достаточно часто фигурируют в источниках, происходящих из районов Русского Севера и северо-запада России. Ранние упоминания есть в новгородских берестяных грамотах. В новгородской грамоте № 133 (50—80-е гг. XIV в.) некто Григорий пишет, что он послал со своим складником для продажи кипу нерпы, тюленьих кож и узкую веревку, очевидно, кожаные ремни: (Перевод Е. А. Рыбиной) «Поклон от Григория [господину моему] Семену. Я послал с ... аном, своим складником, кипу нерпы (т.е. тюленьих кож) — 900 [штук] и 3 [какой-то меры] веревки узкой. Это дали [за] одиннадцать рублей. А ты, господин, продай сам [букв.: при себе, в своем присут-

Рис. 12. Мешочек с завязкой из меха бобра. Старая Ладога, слои второй половины IX в.

№5. 2010

ствии], а деньги к себе возьми» (Рыбина 1989: 78; 2001: 312).

В XVI—XVII вв. эти шкуры проходят под различными названиями. Часто упоминается *ворвань* — кожа морских млекопитающих вообще или кожа тюленя. Различаются большие и малые, а также выделанные кожи, используемые для всякого рода ремней, вожжей, для обивки шкапул, сундуков, а также для пошива поршней (рис. 13). Например: «[1631] Да того же дни дано кожевнику Олонецкому от кож от дела от 7-и ворванем 6 алтын» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 28; 7: 218—220; 23: 64; СПЛ XV—XVII в., 1: 94—95). Кроме прочего, ворвань сало использовалось для натирания (смазывания) кож и мехов: «[1649] Рукавицы борановые новые помазаны ворванем саломъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 28). Шкуры тюленя на Севере называли *морским зайцем* (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 342).

Также часто называется и моржовая кожа — *моржевина*, *моржина*. Ранним упоминанием на сегодня является запись в приходно-расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря за 1567 г. Из кожи моржей делали, в основном, сыромятные ремни и части конской сбруи — *потяги*, *пышняги*, *плети*, *кнутье*, *вожжи*, *шлеи*, *хомуты* (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 264—265; 8: 148; 18: 34; 21: 86), а также *гужи* — узкие ремни, кожаные петли для связки подвижных частей разных устройств, например *гужи жаравцовые*: «[1597] Изделал 2 кожи на сыромять на гужи дал от дела 3 алт. 2 ден.» (СПЛ XV—XVII в., 1: 164).

Нерповая кожа или шкура — *нерпа* — встречаются в источниках с 1588 г. Нерпа шла на обшивку конской упряжи, обивку сундуков, из неё шили детали одежды и обувь — пояса, *сапоги черные*, *ступни нерпечьи*. Известны нерпы *сухие*, *сделанные сыромятью*, *нерпицы дубленые*, *мечинные*, *белые исцеловые*. Имеются записи и о выделке кож: «[1587] Делал мастер кожиц нерпячьих 20, дал от дела 4 алтына без 2 де(нег)» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 344; 11: 278; 15: 250—251; 20: 96; Вахрос 1959: 170—171).

Морские животные также различаются по возрастным группам, например: *конжей* — шкура детеныша тюленя, *серка* — годовалый тюлень, *лысан* — тюлень на третьем году жизни. Они были и товаром, и материалом для пошива изделий, в частности, поршней (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 342; 7: 276; 8: 317; 24: 90). Эти названия сохраняются в русских говорах Севера и в XIX—XX вв. (СРНГ, 37: 214).

Кроме названных животных, в XVIII в. С. П. Крашенинников отмечает использование кожи китов жителями Дальнего Востока:

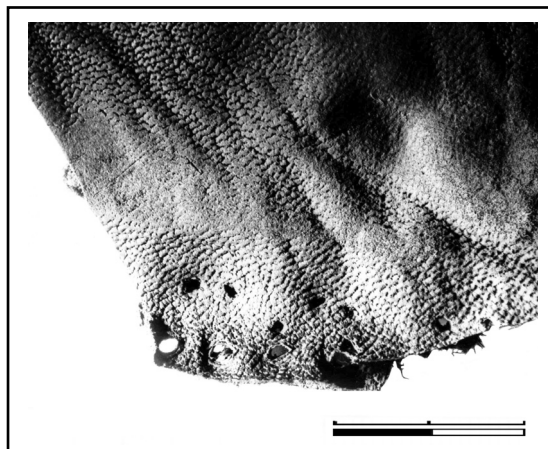

Рис. 13. Рисунок мереи шкуры тюленя. Пустозерск, слои XVII в.

«Кожу [кита] отделя от жиру дубят, и бьют молотами намякко для употребления на подошвы» (СлРЯ XVIII в., 13: 14). Нельзя исключать и того, что русское население Сибири и Севера знало эти кожи и в более раннее время.

Шкуры рыб достаточно редко отмечены в письменных источниках XVII—XVIII в., характеризующих хозяйственную деятельность на Севере России и в Сибири (рис. 14, 15). Это: кожи белуги — *белужина* (СПЛ XV—XVII в., 1: 38) и «кожаны деланные из рыбьих сазаньих кож» (СлРЯ XVIII в., 10: 80). Редко, но записи об одеждах и мешках из рыбьих кож отмечены источниками XIX — начала XX в. — *налимьи мешки*, *кошельки*, *халаты* и *оконницы*, заменявшие оконные стекла (СРНГ, 3: 121; 20: 17).

1.7. Пороки шкур и отбраковка сырья

В письменных источниках XVI—XVII вв. встречается несколько названий пороков шкуры. В Алфавите XVII в. отмечено общее наименование таких пороков — *близна*: «В животным же близна нарицается болячка или вред кий» (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 241). Это мог быть сморщенный участок кожи (например, после опухоли), складочка, морщинка на коже, называемые в Приуралье *вертушок* (СРНГ, 4: 156). Для конской шкуры характерно особое повреждение — *подпарина*, сбитая седлом кожа на спине, что упоминается в источниках XVII—XVIII вв. (СРНДРС, 1991: 111). Наиболее серьезным пороком были *свищи* — изъяны типа дыр, проколов в коже: «[1673] Купить на оболочку книг немецкихъ... сафьяновъ два червчатыхъ да два желтыхъ, чтобъ были не толсты и не свищеваты, чисты» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 170). Другое их назва-

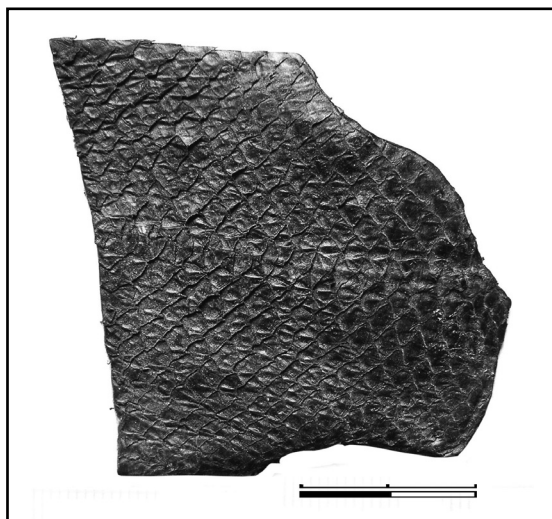

Рис. 14. Кожа форели. Современная выделка азотными соединениями.

ние — *отнорица*, тогда как зарубцевавшийся прокол называли *заволока*: «[1652] (Коновалы) заволокивали... лошадемъ отнорицы, заволоки и рты чистили» (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 282). В XIX — начале XX в. зарубцевавшиеся свищи кожевники называли *оспиной* (Поварнин 1912: 226). Шкуры с такими пороками также выделывали, что иногда отмечают источники: «[1725] Две аленины деланы свищеватые» (СРНДРС, 1991: 94).

Кроме естественных пороков шкуры, кожевники различают *выбой* — кожу, испорченную при обработке: «[1667] Явилъ (Козма Филипов) .н. тюков юфтеи весомъ .кѣ. пуда .г. чети .к. фунта, в том же весу семь пуд выбою из[ъ]янных» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 179).

В археологическом материале на отходах от раскроя кож встречаются прижизненные пороки шкуры, такие как *свищи* — отверстия, сделанные в кожном покрове животного личинкой подкожного овода, и *болячки* — *близны* — открытые или зарубцевавшиеся места накожных болезней или механических повреждений кожи (рис. 16). Обрезки с *близной* зафиксированы в Твери, Свендборге и Гданьске (Курбатов 2004а: 37; Groenman-van Waateringe 1988: 73, fig. 6.4.1; Seynowa 2009: рис. 6).

2. Сбор кожевенного сырья

Развитое городское ремесло предполагает бесперебойное или достаточно стабильное поступление кожевенного сырья из мест его получения в город, в мастерскую кожевника. Этим делом могли заниматься сами кожевники или посредники. Массовая заготовка шкур животных, преимущественно домашних, предполагает два варианта. 1) Существование

взаимовыгодной связи с мясниками в самом городе, куда скот поступал на забой «своим ходом» — т. е. в живом виде. Этот способ описывает в западноевропейских городах А. Мак-Грегор (Курбатов, Матехина 2004: 351). 2) Сбор шкур непосредственно в окрестных селах после массового забоя скота поздней осенью. Оба вида заготовки связаны с особенностями ведения сельского хозяйства. Здесь следует учитывать количество ежегодно забиваемого скота. В него входят «плановые поставки» — т. е. вывод на продажу части скота из личного хозяйства, забиваемого исходя из прироста стада и потребностей хозяйства в товарообмене. Также были и экстраординарные, эпизодические варианты продажи сырых шкур, например, при падеже скота. В обоих случаях часть сырья шла в работу сельским кожевникам.

Деловые записи о заготовке кож единичны. В таможенной книге находим: «[1651] Мясники Михайло Зимин с товарищем поехали в Ярославль на 5-ти лошадах с кожами яловичьими своего мясничья промыслу» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 344). Мелкооптовую заготовку кож в сельской местности проводили специалисты-*живодеры*: «[1629] Живодеровы Тренка да Олюнка Тимофеевы» (СПЛ XV—XVII в., 1: 204), или скотники, упоминаемые в хозяйствах монастырей и бояр: «[1586] Дано коровнику 2 денги, что онъ снялъ съ лошади кожу» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 335; 14: 118; 26: 8).

Если обычные шкуры собирали в ближайших окрестностях городских центров, где велась обработка сырья, то шкуры отдельных животных могли привозить издалека. Об этом упоминали в своих записках иностранцы. Александр Гваньини, при описании провинции Двина, отмечал: «В приморских частях этой области они охотятся на белых медве-

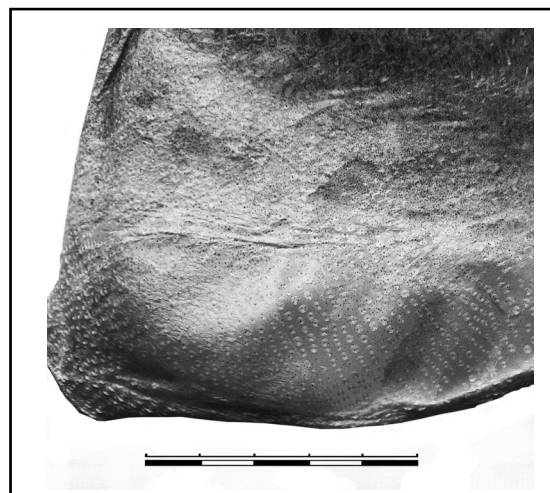

Рис. 15. Сухая шкура налима.

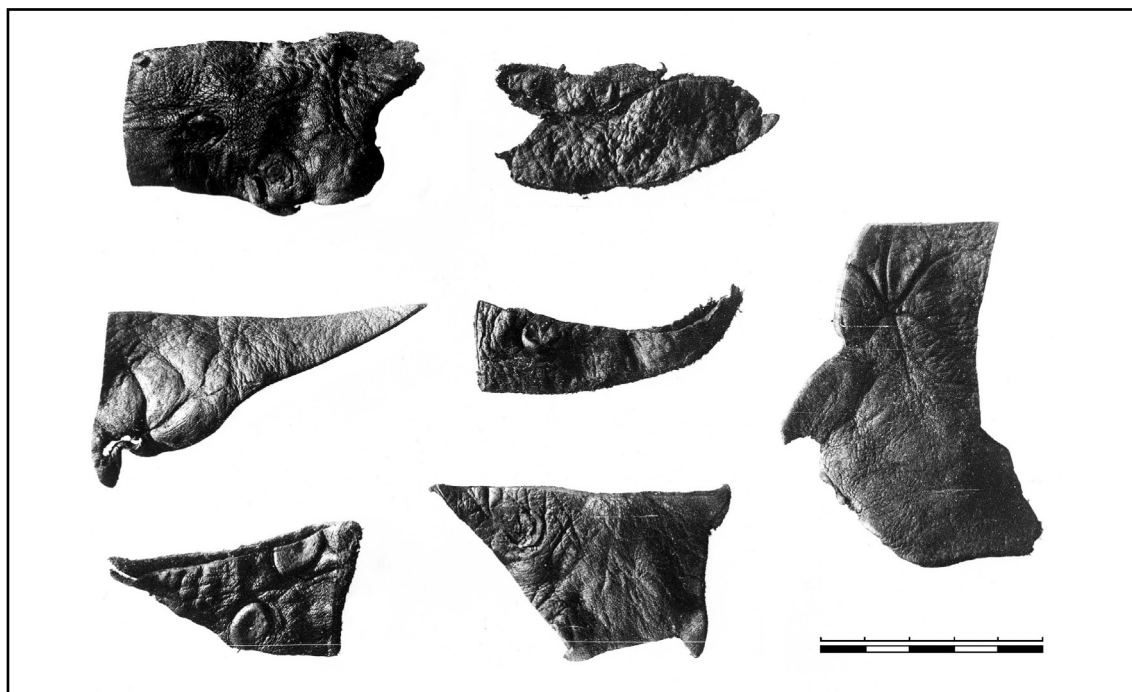

Рис. 16. Обрезки с прижизненными пороками шкуры. Тверской кремль, слои перв. четв. XIII — п.п. XV в.

дей, которые водятся в море; их шкурами и шкурами различных других зверей жители уплачивают дань великому князю и поэтому они довольно часто ездят в Московию» (Гваньини 1997: 39).

О централизованной закупке кож в середине XVII в. писал И. Кильбургер. Он отметил, что юфти выделываются в большом количестве в Казанской, Нижегородской, как и в Московской, но больше всего и наилучшие — в Ярославской и Костромской областях. Те, которые заготавливаются около и в Великом Новгороде и Псковской области, не так хороши, как предыдущие. Сама Россия имеет только посредственный скот и не может отпускать ежегодно такого множества кож, отчего лучшие и самые большие кожи русские отовсюду собирают и скупают. В основном это происходит зимой, ввиду удобства зимней дороги, когда торговцы и кожевники скупают все, что можно в Подолии, Лифляндии, на Украине. Они возвращаются на исходе санного пути и кожи, вследствие наступающей оттепели и происходящей от этого нечистой воды, остаются лежать до ранней весны. Но затем работают в полную силу, чтобы доставить кожи в Архангельск к ярмарке. Особо упоминаются лосиные кожи, привозимые из Сибири и северных городов, а также поставки в Архангельск соленых воловьих и козлиных кож (Курц 1915: 100, 103, 104). Для второй половины XIX в. В. Даль отмечал особых торговцев — *сырейщиков*, скупавших в селениях Казанской губернии сырые кожи,

по мелочам, и продающих потом эти кожи заводчикам (Наумов 1874: 36).

Еще раз напомним, что поставки кожевенного сырья на рынок и количество продаваемого здесь товара связаны с особенностями ведения замкнутого хозяйства. Надо учитывать воспроизводство скота, разделяя его на количество голов, потребных для ведения хозяйства, и избыточную часть, продаваемую на рынке, а также используемую для прокормления семьи. Семья должна содержать определенное количество голов крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и домашней птицы. Часть этих животных осенью забивали на мясо, не только создавая зимние запасы пищи, но и для того, чтобы не делать значительных запасов корма. По расчетам, даже на хозяйство бедняка, для зимнего стойлового содержания домашнего скота (он равнялся 6—7 месяцам) крестьянин должен был заготовить не меньше 25—30 копен сена, при условии дополнительного кормления мякиной, овсяной и ячменной соломой. В среднем крестьянском хозяйстве XVI в. на северо-западе и в центре России, по мнению исследователей, должно было находиться не менее 1—2 взрослых лошадей, 2—3 головы КРС, несколько голов МРС (Кочин 1965: 257, 271, 278—283). По имеющимся данным, в Тульском, Пронском, Орловском уездах к концу XVI в. обычным было содержать в крестьянском хозяйстве 4—6 лошадей, 2—3 головы КРС и нескольких десятков голов МРС, что отчасти связано с необходи-

мостью распаивать целину (Горская 1977: 90—91). В XVII в. «справный» крестьянский двор был обеспечен скотом примерно так же. Но известны и отклонения от средних норм, иногда значительные. Например, у крестьян Смоленского уезда в начале XVII в. было 4—6 и даже 9—10 лошадей, не менее 5—6 коров, до десятка овец, по 20—30 кур (Вдовина 1979: 53). Материалы этнографии показывают, как различие в достатке ограничивало состав стада домашнего скота. Так, в Тарском округе Западной Сибири на середину XIX в. богатые крестьяне имели стада КРС и МРС по 200—300 голов, в том числе — несколько быков и баранов. В таком стаде убой приплода доходил до 200 и более голов в год. Но телят били на мясо только в богатых хозяйствах. «Достаточные» крестьяне держали, по данным Г. Колмогорова, 30—40 голов КРС, в том числе 1—2 быков, предназначенных в основном для выработки масла. Мелкого скота (овец, коз и свиней) крестьяне среднего достатка име-

ли по 30—50 голов, используя их в пищу и, частично, на продажу сала и мяса. У бедных и малосемейных крестьян, а также выходцев из поселенцев и каторжан, было по 2—3 коровы и 6—8 овец и свиней, используемых почти исключительно для своего потребления. Продавали по необходимости немного масла, сала, щетины и кожи (Громыко 1991: 49—50). На состав стада в отдельных хозяйствах сильно влияли эпизоотии и бескормица. Это многократно отражено в документах: «[1691] От бе[с]кормицы многая скотинишка испомерла» (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 284).

Систематические и относительно полные данные о способе заготовке шкур можно выделить в таможенных книгах. Например, такие сведения имеются в новгородских таможенных книгах 1610—1615 гг. Записи за 1614/15 гг. дают большое число упоминаний привоза на продажу в Новгород шкур и пригона скота (Коваленко 2005: 384 и сл.). Данные о пригоняемом скоте сведены в таблицу:

Порода животных	Иногородние купцы	Новгородцы	Иностранцы	Всего
Коровы	177	304	35	516
Быки	29	11	35	75
Нетели	5	4	—	9
Козлы	5	1	—	6
Козы	—	1	—	1
Бараны	4	—	—	4
Овцы	—	9	—	9
Свиньи	—	3	—	3
Боровы	14	18	—	32
Всего	234	351	70	655

Эти записи определенно показывают пригон скота, а не привоз туш на саях и телегах: «Октября в 29 день он же Андрей явил семнатцать коров... Сентября в 27 день явил Хутия монастыря крестьянин ис Кривчевиц Карп Петров восм коров» (Коваленко 2005: 386).

Зооархеологические исследования в настоящее время позволяют выявлять некоторые особенности разведения и использования домашних животных в различных обществах и в разных регионах. В определенной степени зоотехника имеет значение для обеспечения кожевенного ремесла. Представляется несомненным, что доминирование в кожевенном сырье шкур определенных пород животных связано с преимущественным разведением этих животных на данной территории. Выясняется и то, что преобладание костей определенных пород животных, находимых в слоях древних городов и сельских поселений, отражает, преимущественно, пищевой рацион жителей, но не позволяет в полной мере раскрыть хо-

зяйственное использование этих животных. В остеологические коллекции попадают разные по происхождению группы материала: это — кухонные остатки, кости из ритуальных комплексов, остатки костерезного ремесла, а также остатки животных, не связанных напрямую с хозяйственной деятельностью людей. Как считают специалисты, «в настоящее время сама возможность реконструкции состава стада на основе кухонных остатков оказывается еще очень слабо обоснованной в методическом плане». Например, большое значение лошади в экономике России и многочисленность их поголовья, зафиксированное письменными источниками XVI—XVII вв., не отражается в кухонных отбросах из городов и сельских поселений того времени (Антипина 2003: 13, 20—21).

Интересен опыт оценки остеологических коллекций из древней Казани в связи с реконструкцией форм животноводческой деятельности булгаро-татарского населения. Так,

преобладание в домонгольском слое в составе костей КРС животных старше 3-х лет, по мнению зоологов, говорит о длительном сохранении в стаде взрослых репродуктивных коров, способных к размножению и дающих молоко. Для золотоордынского времени характерна существенная доля животных, убитых в возрасте до 6 мес., что свидетельствует о повышенном мясном потреблении телят. Но нельзя забывать и отмеченную письменными источниками высокую потребность в шкурах телят, используемых в кожевенном деле. В «русский период» — вторая половина XVI—XVIII в., резко возрастает число животных, забитых по достижении ими 3-х, а чаще 5—6 лет, что предполагает изменения в пищевом рационе русского населения и говорит об усилении молочного направления скотоводства в сельской округе (Асыргараева 2003: 121—122).

2.1. О размерах скота

Применительно к теме данной работы вопрос о размерах скота важен для понимания качества кожевенного сырья. Остеологические материалы древнерусских городов показывают, что на протяжении длительного времени в лесной полосе средневековой России преобладал низкорослый скот, имевший, следовательно, относительно тонкую шкуру. Зоологи отметили низкорослость КРС, МРС и лошадей в составе костных остатков Рюрикова Городища (раскопы 1979 и 1993 гг.) и Троицкого раскопа Новгорода. Лошади, например, здесь были размером с крупных пони (Молтби, Гамильтон-Даер 1995: 141—143). Такое положение сохраняется в лесной полосе России и в XVI—XVII вв. Для Москвы XI—XVII вв. высота коров в холке составляла в среднем 105,5 см, а более $\frac{3}{4}$ всех особей коров имели высоту в холке от 100—110 см. Средняя высота быков в холке была около 109 см, что соответствует живому весу около 200 кг. Высота овец, найденных при раскопках в Москве, в среднем составляет около 60 см в холке. Для лошади выделено несколько групп, из которых в Москве преобладали мелкие (высота в холке 120—128 см) — 28% и малорослые (128—136 см) — 48% всех особей (Цалкин 1971: 172, 174, 179).

Низкорослость русского скота отмечали в своих записках иностранцы, посетившие Россию в XVI—XVII вв. Для первой четверти XVI в. это отметил Сигизмунд Герберштейн: «В московской области... [домашние] животные здесь мельче наших»

(Герберштейн 1988: 130), что относится и к лошадям: «таких высоких лошадей я в их краях не встречал, лошади у них, как правило, низкорослые» (Герберштейн 1988: 239). В конце XVI в. Джильс Флетчер писал, что в России «не менее важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Первые очень хороши и велики, а воловь и коровьи меньше (ибо кожи бычачьи у них не выделяются)» (Флетчер 1906: 12—13). Павел Алеппский в своих впечатлениях от поездки в Московию писал: «коровы в этой стране очень малы, с телят, по причине сильного холода, как нами упомянуто, у них нет сил для пахоты и они служат для получения молока зимой и летом» (Алеппский 1898: 123). «Сама Россия имеет только посредственный скот», отмечал Иоганн Кильбургер, говоря о русской торговле в середине XVII в. (Курц 1915: 100). Между тем, отдельные историки комментировали факт низкорослости домашнего скота в древнерусский период как положительное качество, соответствовавшее «условиям сельского хозяйства этого времени». «Малорослый скот обладал тонкой шкурой, весьма ценной для кожевенного производства. Кроме того, малорослую скотину крестьянам (и горожанам) легче было обеспечивать кормами» (Горский 1969: 108). Это мнение нам представляется ошибочным, не соответствующим требованиям, предъявляемым к домашним животным как товарной продукции сельского хозяйства.

Вывод о мелкопородности скота в средней полосе России поддерживают отечественные историки (Горская 1977: 94). Только в XVII в. начинает складываться специализация отдельных регионов на разведении породистого скота, прежде всего в зонах обширных заливных лугов в бассейнах крупных рек, таких как Северная Двина и Волга, где ежегодные разливы рек дают не просто обильные корма, но корма с определенным минеральным составом, полезным для нагула животных (Вдовина 1979: 51—52). Как показали исследования в советское время, трава и сено двинских заливных лугов были высокопитательными, не уступая по кормовым качествам бобовым посевным травам. Поэтому на Северной Двине значительные земельные участки были заняты заливными лугами, дающими обильные урожаи сена (*пожни*) и пастбищной травы (*поскотины*). В древних актах встречаются записи о продаже, покупке, «вкладе» и завещаниях пожен и поскотин. Наиболее богаты заливными лугами были селения, расположенные вокруг г. Холмогоры. Ф.И. Резников приводит сводную таблицу размеров холмо-

горского КРС первой половины — середины XVIII в., а также сведения о новгородском скоте. Из неё видно, что холмогорские быки и коровы были тогда исключительно крупными. Средняя высота в холке составляла 120—129 см, тогда как у новгородских — только 101,9 см. Средний вес холмогорских быков, по материалам XVIII в., составлял 549 кг, тогда как новгородских 214 кг, а новгородских коров только 183 кг. Именно высокая продуктивность холмогорского скота в XVII в. заставила царя Алексея Михайловича закупить в 1664 г. в Холмогорах и Архангельске коров и быков для своих имений (Резников 1960: 107, 116—117, 123, 126).

Эколого-хозяйственную обусловленность низкорослости крупного рогатого скота на северо-западе средневековой Руси отмечали и некоторые палеозоологи. Они связывают низкорослость скота с доминированием системы трехпольного земледелия, при которой большая часть крупного рогатого скота содержалась почти исключительно ради получения навоза, необходимого для удобрения истощающихся полей. Для сравнения приводится ситуация в заокской лесостепи, где мощные черноземы позволяли десятилетиями получать удовлетворительные урожаи при ежегодном посеве, без черных паров и унаваживания земли. Скот здесь содержали ради мяса и молока и поэтому заботились о его достаточном прокормлении. Такая же традиция, по мнению зоологов, издавна была присуща и хозяйству населения Русского Севера, где в дальнейшем была выведена элитная порода высокопродуктивного скота — холмогорская (Антипина, Маслов 1996: 246—247). Поэтому можно полагать, что малорослость скота в ряде регионов лесной зоны древнерусских земель связана с неразвитостью приемов стойлового содержания скота в зимний период. Величина стойлового периода в средних широтах, по данным XIX — начала XX вв., составляет 5—6 месяцев в году. Такое содержание должно означать заготовку потребного количества фуража на весь стойловый период, а также качество этого фуража. Заготовка сена на столь длительный срок должна быть обеспечена орудиями сенокошения, местами складирования и хранения сена.

Для кошения сена средневековые жители использовали косы-горбуши или косы-литовки. В исследовании по истории русской деревни X—XIII вв. В. П. Левашева приходит к выводу о существенных изменениях формы и размеров косы-горбуши в древнерусский период (Левашева 1956: 91). Позднее эти выводы поддержал М. А. Миролубов, писавший,

что изменение технических характеристик кос-горбуш разного времени показывает, что к XIV в. эти косы уже мало отличимы от орудий XVII—XIX вв. (Миролубов 1984: 170). В конструктивном плане косы-горбуши легко отличимы от литовок, у которых косовище крепится не в одной плоскости с лезвием косы, а почти под прямым углом к нему. Это позволяет определенно считать, что все археологические находки показывают нам только варианты косы-горбуши. О распространении кос-литовок можно говорить исключительно на основе письменных источников. Но надо отметить, что кажущийся показатель прогресса в развитии сельскохозяйственного инструментария на примере изменения косы-горбуши не является свидетельством изменений в принципах содержания скота, поскольку горбуша мало приспособлена для длительного кошения широких площадей. Для заготовки сена на зимний период индивидуальные хозяева должны были использовать более производительный инструмент — косы-литовки. Но они встречаются на миниатюрах не ранее конца XVI — начала XVII в., а в археологических материалах средневековых памятников не выделены.

Рассмотрение письменных источников по русскому земледелию в XVI в. дает много упоминаний орудий сенокошения. Их разбор историки дают по регионам, для которых проработаны группы источников, из которых следует, что для района Белоозера в это время преобладали косы-горбуши, а литовки упоминаются реже. В районе Вологды упоминаются косы-литовки и просто косы, но не горбуши, которые здесь хорошо известны и продавались. Источники для центра Русского государства упоминают просто косы (обычно изделия местных мастеров) и косу-литовку, а также «косу дорожную» — т. е. горбушу (Горская 1977: 58—63). В районах Верхнего Днепра и Угры, Тулы, Болхова и Ельца были распространены косы-литовки, или *ляцкие*, либо «большие косы», видимо, противопоставляемые косам-горбушам. В то же время говорить о значительном вытеснении кос горбуш из хозяйственного использования в то время нельзя. Так, по сведениям, приводимым С. В. Бахрушиным, Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в 1605 г. в Вологде сразу 367 кос-горбуш и только 60 литовок (Бахрушин 1952, I: 71). В целом, обзор источников позволяет предполагать, что широкое внедрение литовок для уборки урожая в России начинается только с XVIII в. Указ Петра I 1721 г. на имя президента камер-коллегии князя Голицына «Об отправлении в разные хлебородные места крестьян

для обучения местных обывателей снимать хлеб с поля косами» показывает, что литовки были используемы в хозяйствах явно незначительно и преимущественно для сенокосения (Торэн 1967: 65—66). Приведенный обзор работ показывает общую правомерность выводов историков, считающих, что «видимо, в XV—XVI вв. косу-горбушу стала вытеснять (там, где позволяли местные условия) коса-литовка» (Горский 1969: 108, 109, 111, рис. на с. 86). Но, точности ради, следует отметить, что сегодня нет оснований говорить о начале смены косы-горбуши на литовку уже в XV в.

О расширении стад в больших земледельческих хозяйствах XVI в. собран значительный материал, показывающий наличие специальных помещений для скота и использование животных не только при обработке земли, но для унаваживания почвы. В то же время скот еще оставался малорослым. О том, как надо заботиться о домашнем скоте, содержать и кормить его, пространно объясняют статьи Домостроя. Но надо полагать, что это были рекомендации, которые только внедрялись в крупных феодальных хозяйствах, но не были повсеместным явлением. Обеспечение кормами лошадей показывают записи архива Иосифо-Волоколамского монастыря, где «по смете» овес рассчитывается на 7 месяцев — с 1 октября до 1 мая. По разным источникам оценивается и потребность в сене на отдельные хозяйства. В то же время отмечается, что норма расхода сена на одну голову домашних животных в тенденции конца XVI в. снижается, и по ряду данных обеспеченность кормами для отдельных уездов и городов была значительно меньше нормы (Горская 1977: 92—97).

Не вызывает вопросов в современной литературе способ содержания животных в древнерусской деревне. В. П. Левашева писала, что «скот держали зимой в закрытых помещениях, иначе и невозможно было бы развитие скотоводства в лесной полосе с суровыми зимами». О стойловом содержании скота имеется прямое указание в Русской правде: «Аще крадет кто скот во хлеве». Остатки хлевов и скотных дворов исследованы раскопками в Старой Ладге, Новгороде, Белоозере и ряде других мест. Раскопки в Старой Ладге открыли скотные дворы, рассчитанные на несколько десятков голов скота и занимавшие большую площадь. Косвенным доказательством стойлового содержания скота являются и находки кос-горбуш, бывших орудиями не уборки урожая, а сенокосения (Левашева 1956: 87). Но это простое объяснение, как и безапел-

ляционность выводов, не объясняют существования низкорослого скота на всем протяжении средневековья, а также и нового времени на значительной территории лесной полосы Древней Руси и России. Такое положение можно считать доказательством слабого внедрения в большей части крестьянских хозяйств кос-литовок. При этом потребности в кормах для животных на зимний период обеспечивали за счет соломы, менее калорийной, чем сено. Недостаточность кормления домашних животных только соломой видна в уничтожительных пословицах XVII в.: «Привыкай коровка ко ржаной солодке» (СлРЯ XI—XVII в., 19: 124.) Кроме того, надо полагать, коров кормили ветками деревьев и кустарников, растущих в окрестностях, для чего животных могли выпускать днем из загонов.

Надо заметить, что связь между размерами домашнего скота и условиями его зимнего содержания признают, видимо, не все современные археологи и историки. Так, в последних работах новгородских специалистов мелкопородность скота на поселениях Новгородской земли в конце I — начале II тыс. н. э. не является предметом обсуждения. Зимнее содержание признается, безусловно, стойловым, а необходимый на несколько месяцев запас корма заготавливается косами-горбушами. Общий вывод отражает представление исследователей, что «развитие земледелия и животноводства ильменских славян в конце I тыс. н. э. достигло весьма высокого уровня» (История экономики, 2009: 15—17). Такие выводы делаются со ссылкой на работу Г. Е. Кочина, писавшего о состоянии скотоводства, опираясь широкий фон письменных источников, появляющихся только с XVI в. Видимо, к этому времени относятся и целенаправленные селекционные опыты по улучшению пород крупного рогатого скота в районах заливных пойменных лугов (Кочин 1965: 258). Но такие выводы неверно будет проецировать на рубеж I—II тыс. н. э.

2.2. Консервация сырья

Это была необходимая операция, поскольку имели место проблемы длительности сбора определенного числа шкур и их сохранения до начала выделки кожевником. В письменных материалах встречается термин *тузлук*, означающий солевой раствор и сам процесс соления шкур (Поварнин 1912: 231). Но до XVIII в. этим словом отмечали только способ заготовки рыбы и рыбной икры (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 11; 26: 127). Поэтому надо полагать, что единственным ранним способом сохранения сырых шкур

на Руси было их высушивание. И такие записи встречаются в таможенных книгах. Так, в Новгородской книге Московской Большой таможи 1693—1694 г. имеется запись: «Явил устюжанин Иван Микитин сын Швецов ... да тифинца Ермолая Семенова сына Бельского по тифинской выписи 260 кож говяжьих сухих и выростков» (Книги 1961: 45).

3. Оснащение процесса выделки шкур

Выделку и переработку шкур проводили на *дворе кожевном* — в комплексе специально оборудованных построек, который не следует отождествлять с «двором кожевника». Оба названия можно видеть в писцовых книгах разных городов. Для Устюга известен: «[1683] Двор ставитца ново кожевниковой Демида Кожевникова» (СПЛ XV—XVII в., 1: 151—152).

В XVII в. появляются большие дворы, называемые *заводами*, где работают несколько мастеров-кожевников. Такой *завод* в Пскове в 1655 г. купил «посадской человек» «огородник» Сергей Иванович Поганкин. «Се аз гость Семен Иванов сын Стоянов... поп Семен Афонасьев продали... посадскому человеку Сергею Иванову сыну Поганкину за Великою рекою кожевный двор со всем пазовым запасом что есть в пазу и с кожевным заводом з дощаны с кожейными и з дровами опрично котла красилноного, а на дворе хором четыре избы да онбар с подклетом да двои ворота да за двором поварня да около огорода тын да ледник под анбаром...» (Евлентьев 1870-А, л. 110 и об.). Эти *заводы* отличаются от мелких мастерских только количественно, но технология и оборудование их не меняется. Они сохраняются во многих местностях России и в XIX в. Организация их описана, например, в Нижегородской губ. в дд. Татарском и Лапшеях (Звездин 1887: 219—226).

Подробное описание оборудования и инструментов *кожевного двора* XVII в. в Москве сохранилось в документах Приказа тайных дел. По указу царя Алексея Михайловича в 1665—1666 гг. в его личном хозяйстве организуется сафьяновый завод за Яузой у Москвы-реки. В описании 1668 г. указан перестроенный омшанник, в котором для обработки козловых кож стояли 4 больших и 8 малых, коротких колод, «в чем кожи мочат». Также здесь отмечены 2 котла медных, 8 кадей «дубовых больших и средних», 5 ушатов, 4 ведра, корыто небольшое, «тшан небольшой», 4 чаши деревянные и другое. Среди инструментов для обработки кож названы гладила кленовые со свай-

ками, струги железные, скобели, скребницы (Новицкий 1928: 48—49). Для обработки козловых кож на дворе *завода* устроены ямы, обложенные кирпичом — «где топчут кожи». Из документов известно, что, по словам одного из мастеров, «к сафьянному делу надобна вода ключевая самая чистая, которая б в колодцы текла беспрестанно и зимним бы временем не мерзла» (Федоров 1887: 4).

Еще одно описание относится к 1649—1652 гг., когда Приказ сыскных дел занимался конфискацией частновладельческих слобод на посадах разных городов. В Нижнем Новгороде на посадской земле было обнаружено два двора «для кожевного промыслу», принадлежавшие купцам Семену Задорину и Василию Григорьевичу Шорину. На одном из этих дворов находились жилые помещения, на другом «4 избы кожевные, в длину 26 сажен, на них сушило, изба жилая, против нее клеть, меж ими сени, 2 анбара дубничных, изба зольная да поварня», т. е. *завод* (Смирнов 1948, II: 567).

Сохранилась и роспись построек и имущества *кожевного завода* в хозяйстве князя Я. К. Черкасского, бывшего в селе Павлове Нижегородского уезда: «В селе Павлове на берегу Оки реки... двор государя нашего, что был кожевный, намощен весь брусом струговым, на нем строения: горница на подклетке... изба двойная... у той же избы приделанная комната..., амбар двойной на подклетах, у амбара у подклетьев 5 окошек красных, амбар крыт тесом, у амбара сени да крыльцо, в сенях чулан крыт тесом...». В амбарах, избах и подклетах, под горницей находился инвентарь: «4 котла больших железных ветхих, крюк железный длиной аршин, на чем котел висел, над печью 9 чанов кожевных, 8 пестов с железом, что на мельнице дуб толкли, 3 багра железных» и др. (Щепетов 1961: 34—35).

3.1. Инструменты

Весь набор технического обеспечения работы кожевников можно разделить на собственно инструменты, оборудование мастерских и материалы для выделки кож. Известный на сегодня инструментарий из археологических раскопок малочислен и разрознен. Он не представляет целых наборов, связанных с комплексами конкретных мастерских. Это, с одной стороны, может быть особенностью археологического источниковедения, а с другой — подтверждает мнение, что места выделки кож были вынесены из зоны жилой застройки городов. Они находились на окраинах городской территории, вблизи водных источников с проточной водой, как показано на гравюре 1568 г., изображающей кожевни-

ков, занятых выделкой шкур на реке в Гродно (Turnau 1983: № 36).

3.1.1. Струги и тупики

Струги и *тупики* применяли для срезания мездры — подкожной жировой прослойки и клетчатки (мездрение шкуры), а также для сгонки волоса после золенья. Для первого действия предпочтительно использовать острый струг, способный подрезать и легко отделять от дермы эластичный жировой слой и волокна клетчатки. Для сгонки волоса, наоборот, необходим инструмент с затупленным краем — *тупик*, чтобы не порезать наружный слой кожи — эпидермис. Упоминания стругов имеются в документах XVI—XVII в. Инструмент определяется как «нож с двумя ручками для скобления кож». В приходно-расходной книге Антоньева монастыря читаем: «[1590] Струг, чем кожи стружат». В то же время, есть и противоречащая запись: «[1666] 7 струговъ, чемъ с козлинь шерсть чистять» (СлРЯ XI—XVII вв. 28: 196). О том, что стругом работали именно по бахтарме, срезая мездру или неровности поверхности, свидетельствует разъяснение Г. Поварнина о действиях кожевников в конце XIX в.: «струг — инструмент для срезания выступов бахтармы на дубленой коже; стружка — работа стругом; отброс работы стругом — куски кожи» (Поварнин 1912: 230). Разделение этих инструментов по двум операциям видно у кустарей в начале XX в. (Кривцов 1912: 24). Именно так разделяют инструменты по функциям и некоторые археологи, например, В.П. Левашева (Левашева 1959: 45).

Но существовали и универсальные орудия, совмещавшие обе функции. Для конца XIX в. в северных губерниях описан «тупик-мездряк — тупой нож или струг, употребляемый в кожевенных заводах для сбивания шерсти с кожи после золенья. На концах струга приделаны деревянные ручки. Тупую стороною сбивают шерсть, а острою обрезают уши, хвост и прочее» (Куликовский 1898: 122). Из описания понятно, что инструмент имеет двустороннее лезвие. Это же показывает и описание XVIII в.: «Вынув из реки кладут их [кожи] на доску... для оскребания мездры с той стороны, которая была к мясу, острою ... скребелкою» (СлРЯ XVIII в. 12: 119). В то же время упоминаются и два разных инструмента для мездрения шкур разного размера. Академик Иван Лепехин записал процесс выделки кож так: «Вымывши кожи начинают бухтарму мяздрить. Мелкия кожи мяздрят тупиком, а большия подходкою» (Лепехин 1795, I: 40).

Интересно отметить, что в письменных источниках не встречено название *скобель*, напрашивающееся применительно к инструменту для скобления кож. Имеются близкие по произношению слова в сходных значениях, фиксируемые на конец XIX—XX в. в Сибири. Это: *скобейка* — доска, на которую кладут шкуру для скобления; *скобило* — деревянный нож для выделки кожи; *скóбленка* — нож для выдѣлывания шкур (СРНГ, 38: 38—40). По объяснению Г. Поварнина, продукт выделки называли *скобленка* — сыромять, приготовленная без киселя и золки с одним механическим удалением волоса, называемая также *скобленая* и *скребленая сыромять* (Поварнин 1912: 229).

Этнографические и археологические материалы у народов Севера показывают использование для мездрения относительно тупых костяных и роговых орудий или каменных, наподобие скребков (Алексашенко 2002: 184 и сл.). Г. Поварнин, анализируя известные ему инструменты у различных народов мира, показывает многообразие инструментов, связанное с местными традициями и условиями выделки. Таким образом, надо предполагать, что для мездрения и сгонки волоса принципиально могли использовать один и тот же инструмент, руководствуясь только удобством и трудозатратами. Это могли быть и острые и тупые инструменты, хотя русские источники показывают определенную традицию снятия волоса тупым инструментом, а мездрения — острым. И струг, и тупик, видимо, делали и с одной, и с двумя ручками. Одноручные инструменты могли переделывать из кос или серпов, как это практиковалось в XIX в. (Поварнин 1912: 98—99). Форму инструмента мог определять способ работы им — на весу, на горизонтальной или наклонной поверхности, имеющей плоскую или выгнутую рабочую сторону.

Археологи отмечают находки стругов и тупиков в материалах разных городов, но при наименовании инструмента, могут не видеть реальной связи названия и специфики работы ими. Так, стругом назван двуручный инструмент из Чебоксар, найденный в слоях XVI в., у которого лезвие и рукоятки находятся в одной плоскости, а край лезвия выгнут (Краснов, Каховский 1978: 134, рис. 66: 10). Двуручный инструмент — тупик был найден в слое 20-х годов XIII в. на Верхнем Замке Полоцка (Штыхов 1975: рис. 29: 9). Он конструктивно сходен со стругом из Чебоксар, но его рабочий край наоборот — вогнутый. Такой же предмет, с вогнутым рабочим краем, где ручки находятся в одной плоскости с клинком,

найден на Биллярском городище (Культура Билляра 1985: 54, табл. XXI, 1). Такой вид инструмента предполагает работу им по скоблению бревен. Прямой тупой струг с сильно изношенной рабочей частью отмечен в Пинске в слое XVI—XVII вв. (Лысенко 1999: 158). Но отсутствует подробное описание и рисунок предмета, что не позволяет определить его использование.

Тупиками также считают костяные орудия из ребер крупного рогатого скота, вроде находки в Суздале в слое XIII в. (Левашева 1959: рис. 4: 1—2). Для формальной типологии орудий, различающихся по функциям, представляет интерес набор инструментов для обработки шкур, найденный на древнерусском городище Княжья Гора в Черкасской области Украины. Здесь отмечены одноручный скобель, нож с широким клинком, прямой спинкой и плавно скругленным лезвием, а также два железных крюка для разминания шкур, напоминающие аналогичные орудия кустарей XIX в. (Шендрік 1970: 221—224, рис. 1).

Примером такого же рода можно считать находки в Витебске. Л. В. Колединский отмечает в мастерской кожевника начала XIII в. в Витебске такие орудия труда, как тупик, костяное лоцило, гладильные камни (Колединский 1991: 22). Позднее, описывая материальную культуру Витебска X — первой половины XIV в., Т. С. Бубенько также отнесла к инструментам кожевника гальки, костяные «коньки» для лощения и разглаживания кож, а также ребра животных с мелкими насечками на заостренной стороне, служившие для снятия мездры. Выделенные скопления кожи или шерсти с золой, связанные с некоторыми постройками, по мнению исследователя, указывают на производственные участки кожевников. По изображениям в работе можно выделить несколько костяных кочедыков, названных — «костяные орудия труда (лоцила)». Они имеют широкую уплощенную рабочую часть и более всего похожи на железные кочедыки. Тогда, как показанные далее «кочедыки (из грифельных костей)» — представляют собой т. н. проколки (Бубенько 1991: л. 123, 144, рис. 139, 144). В последней монографии по этим раскопкам Т. С. Бубенько лоцилами назвала т. н. «коньки», а к инструментам сапожника отнесла костяные «проколки» (Бубенько 2004: 130—131, рис. 92, 93: 7).

Ряд инструментов, называемых стругами и скобелями, археологи считают орудиями для обработки дерева. На городище XII—XIII вв. Слободка на р. Навле у д. Слободка Орловской области найдены три двуручных скобеля — два целых, один — с обломанным черенком. Они имели прямые ножевидные лезвия с по-

перечными черенками на концах, куда насаживались деревянные рукояти. Размеры скобелей почти одинаковы: ширина клинка лезвия 17 мм, толщина спинки 3 мм, длина лезвия 145 мм, а черенка 25 мм (Никольская 1987: 98, рис. 49: 8). По мнению Т. Н. Никольской, и прямые, и изогнутые скобели использовали для обработки дерева (Никольская 1981: 223, рис. 83: 4—6). К таким же орудиям отнесены и два струга из Берестья. Один из них найден в слое XIII в. и представляет собой плоское ножевидное лезвие с толщиной спинки 5 мм, длиной 180 мм и шириной 24 мм. По обе стороны лезвия в стороны отходят суженные концы пластины, на которые насаживались деревянные ручки параллельно оси лезвия. Общая длина струга — 318 мм. Другой инструмент, длиной 108 мм, найден в слоях XV в. и, предположительно, использовался для обработки кости. Он также имел прямое ножевидное лезвие длиной 75—80 мм при ширине 14 мм и толщине спинки 2 мм, а также повернутые под прямым углом концы для насадки ручек (Лысенко 1985: 206, рис. 146:1, 9).

Наоборот, реальным орудием для обработки дерева служил железный «нож для снятия мездры с кожи», с отогнутой под прямым углом рукоятью, длиной 160 мм и шириной 110 мм, с клинком шириной 28 мм, найденный на городище Изяславля (Древнерусский город Изяславль 1983: 15, № 140). Скобель для снятия мездры с одной ручкой отметил Б. А. Колчин в Новгороде (Колчин 1953, рис. 100).

Назначение каждого конкретного инструмента, называемого «стругом», определяет положение рукоятей по отношению к плоскости лезвия. У скобелей, предназначенных для *окоренивания* деревьев, плоскость лезвия почти совпадает с плоскостью боковых рукоятей, тогда как струги и тупики для работы по шкуре имеют рукояти, поставленные под большим углом к плоскости рабочей части. Надо предполагать, что при удержании струга двумя руками плоскость лезвия кожевенных инструментов должна быть перпендикулярной плоскости шкуры.

Некоторые кожевенные струги в публикациях названы «скобелями». Восемь таких предметов происходит с Райковецкого городища. Длина прямого лезвия составляет 12 см при ширине 3—3,5 см. В стороны отходят черенки для ручек. По мнению автора раскопок, «такие скобели служили для бондарного дела (Гончаров 1950: 88, 123, табл. XXVI: 1, 2). Подобный же двуручный скобель, но с выгнутым лезвием и перпендикулярно поставленными к его плоскости ручками, найден на Бородинском городище домонгольского вре-

мени в Смоленском Поднепровье (Седов 1960: 108, рис. 55: 5). В Орешке двуручный прямой струг с обломанной ручкой найден в постройке первой половины XV в. (1434—1435 гг.) и отнесен к категории ножей (Кирпичников 1980: 46, рис. 16: 19). Вероятный обломок двуручного струга найден в Белоозере в слое XIII в. и назван серпом, хотя от последних его отличают прямая (а не выгнутая) тупая сторона и отходящий в сторону черешок (Голубева 1973: 189, рис. 69: 7).

Приведенные археологические находки можно сопоставлять с этнографическими примерами. В XIX — начале XX в. у кожевников-кустарей известны различные названия инструментов для скобления мездры. В Нижегородской и Вятской губерниях скорняжный нож для очистки мездры называли *косой* (СРНГ, 15: 44). Это название, видимо, отражает вид раннего инструмента древнерусских кожевников, который продолжали применять и в XIX в. Работу им описывали так: «Перед тем, как овчину пускают в квасы, ее борскают, т.е. скоблят мездру особым большим ножом, называемым одноручником. Одноручник в длину имеет с аршин, делается из старых кос, на заказ, в обыкновенных кузницах» (СРНГ, 23: 49). Другой инструмент — это *заворот* (*заворот*) — нож, которым скоблят кожи русские жители Сибири, и так же называли загнутое лезвие ножа для скобления кожи в Казанской губернии (СРНГ, 9: 338). Такой нож или косу в Причерноморье, например, в Одесской губернии, называли *скафа* (СРНГ, 37: 398). Название, вероятно, заимствовано от греческого «скафос» — резец, хотя М. Фасмер видит в нем диалектную форму от ниж.-нем. *Schave* — рубанок или нов.-в.-нем. *Schabe* — скребок (Фасмер 1996, III: 635—636).

Скорняжный нож мог быть с одной или двумя ручками. В ряде регионов России такой двуручный инструмент называли *подводкой* (СРНГ, 27: 360). Также имелись и специальные инструменты для отдельных операций, типа сибирского *пухаря*, используемого для пушения козлиной кожи (СРНГ, 33: 161). От аборигенов русское население Сибири и Дальнего Востока переняло *камандер* — приспособление для выделки шкур в виде деревянной рамки со вставленным в неё каменным скобелем (СРНГ, 13: 14).

3.1.2. Крюк

В археологических материалах встречаются специальные инструменты для выделки овчин и, возможно, сырмяти. Их форма сохраняется почти неизменной со средневековья до XIX — начала XX вв., где отмечена в ку-

старном ремесле (Zelenin 1927: рис. 129, 130). У кустарей бытовало выражение «мять в крюку» — разминать овчину, вода с силой по мездре тупым толстым лезвием, насаженным на деревянную рукоять (СРНГ, 15: 356—357). Такие предметы известны в этнографических коллекциях фондов ГИМа (Левинсон, Маясова 1953: 120, рис. 9) и Казанского музея. Хотя в последнем крюк был назван бунчуком золотоордынского хана (История Татарии 1937: 58, рис. 18). Такими крюками пользовались и белорусы в XIX — начале XX в. (Белоруссы 1998: 203—206, рис. 86; 87г). Несколько иного вида железный крюк для разминания овчин показан в работе Г. Поварнина, отмечавшего, что кустари используют и другие формы крюков, преимущественно деревянных. Железные крюки имеют стержень с петлей на конце, ручку и собственно крюк (Поварнин 1912: 108—109, рис. 36а).

Первая археологическая находка крюка относится к 1891—1895 гг., когда Н. Ф. Беляшевский вёл раскопки Княжей Горы — известного древнерусского городища, лежащего на правом берегу Днепра выше устья р. Роси, близ с. Пекари Каневского района Черкасской области Украины. Среди множества инструментов и изделий выделены орудия для обработки овчин — скобель, нож и крюк (Шендрік 1970: 221—224, рис.). Назначение крюка определяется по этнографическим данным и сведениям о кустарном ремесле XIX в., где описывается и способ работы им (Скобликов 1865: 175). Сходные *крюки* встречены на ряде средневековых поселений Восточной Европы, но в большинстве случаев были неверно атрибутированы. Например, находка на посаде Смоленска названа «навершием знамени» (Авдусин 1957: 46, рис. 7). В Серенске *крюк* встречен в древнерусской хозяйственной яме вместе с жерновами и назван сельскохозяйственным орудием (?) для резки соломы (Никольская 1981: 244, рис. 92: 13). Крюк отметил в ранних слоях Старой Ладogi С. Н. Орлов (Орлов 1954: 8). Семь целых и фрагментированных орудий найдены на городище Изяславль в 1957 г. (Пескова 1988: л. 123, рис. 93). Аннотируя эту коллекцию, М. А. Миролубов определил «крюки» или «ключи» как орудия кожевенного производства, кованные из железных полос и имеющие вид стержня-основания с двумя отрогами, напоминая V-образный двузубец. Существование кожевенного ремесла в Изяславле подтверждают и находки коротких скругленных ножей, служивших для раскроя кожи и снятия с нее мездры. В каталоге читаем: «Крюк для обработки кожи. С двумя дугообразно отходящими от ручки

основания отрогами, один из которых короче и слегка отогнут наружу, другой оканчивается кольцом с петлей для крепления поножи». Длина 510 мм, ширина 140 мм, меньшая ширина 130 мм, высота 95 мм (Древнерусский город Изяславль 1983: 15, № 139). Еще один инструмент найден в золотоордынском городе Укек. Это плоский двузубец с завершениями на концах, с кольцом на конце завитка высокого зубца, с черешком длиной 12 см для насада на рукоять. Общая длина предмета 49 см, ширина 19,5 см. Аналогий ему исследователь не нашел (Недашковский 2000: 79, рис. 14: 5). Малое число таких археологических находок, видимо, объясняется преобладанием у кустарей деревянных орудий.

Подобные инструменты имели разные названия. Известен *сидяк* — инструмент для выделывания кож в виде палки с полузагнутым концом, во внутреннюю часть которого вставляется металлическая пластинка с тупыми зубцами (СРНГ, 37: 292). В XIX в. применяли *кольцо* — инструмент для обработки заячьих шкурок, в форме большой скобы, которая вбивается вертикально в стену (СРНГ, 14: 214). Как скорняжный инструмент для разминания сырой кожи *кольцо* известно с XVII в.: «[1688] Да коцко с пробоемъ чемъ сыромет мнуть» (СПЛ XV—XVII в., 2: 85).

3.1.3. Щипцы

В кожевенном деле могли использовать различные щипцы для переворачивания и доставания кож из чанов. Специальных кожевенных клещей пока не найдено, а письменные источники говорят только о предметах, связанных с иными ремеслами. Их называли *емки*: «[1629] 5 кулаков железных больших, клещи да емки, ломница» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 50).

3.1.4. Гладило

Гладило — орудие для разглаживания кожи, известно по документам с XVI в. (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 26—27). Орудия сходного назначения в разное время и в различных регионах имели другие названия. На кожевенном заводе в Ярославской области была в ходу *гладка* (СРНГ, 6: 179). В Новгородской области в этом случае применяли особый каток — *диру* (НОС, 2: 87). Название специальности *гладильщик*, известной по документам XVII в., составители словарей относят к судостроению или портновскому делу: «С того же судна Яков Герасимов да гладильщиков 3 ч., да суздальцы Иван да Яков Лихонин с человеком, да строгальщиков 3 ч.»; «Гладильщиков Иван Мефодьев с ..., бобыль» (СПЛ XV—XVII в.,

1: 134—135). Однако такая специальность мастеров по выделке кож отмечена в писцовых книгах 1621 и 1665 г. и окладной книге 1634 г. Нижнего Новгорода. По подсчетам историков, на 1640-е гг. в Н. Новгороде только среди «пришлых людей» было 19 кожевников, 3 строгальника, 3 гладильщика 1 сыромятник (Орехов 1961: 75—78, 80). Перечневая книга Ярославля 1630 г. и другие документы упоминают здесь 140 мастеров по выделке кож среди посадских людей-«закладчиков», в том числе строгальщиков и гладильщиков (Тальман 1946: 127—129, табл. 2). На 1668 г. в городе значились 73 кожевника, 3 гладильщика, 48 строгальщиков и 4 красильника (Данилова 1957: табл. 4).

Кожевники-кустари XIX в. использовали для разглаживания кожи *разгонку* — тупую стальную пластину в деревянном станочке: «Дальнейшая отделка вытяжки поручается особым рабочим, называемым посадчиками; их дело придать коже плоский вид сапога. Инструменты, служащие посадчикам, следующие: [1879]... разгонка (собачка, гладилка), состоящая из тупой стальной пластинки, укрепленной в деревянный станок, употребляется для разглаживания морщин и складок при сгибании кожи на ноге (крючке)» (СРНГ, 33: 309).

По назначению к орудиям для разглаживания готовой кожи примыкают и приспособления для совершенствования фактуры. К ним относится, в частности, *рубель* — кленовый каток для обработки бараньих кож. «Ими катают вышедшие из дела бараньи кожи, дабы они получали тесмены, т.е. малые и частые углубления» (СРНГ, 35: 222).

Гладилками в Древней Руси, как полагают исследователи, могли быть гладкие камни (Левашева 1959: 45). Долгое время считается также, что для разглаживания (лощения) кожи, а также швов на изделиях, в средневековой Руси широко использовали костяные предметы — лошила и проколки, находимые в Киеве, Старой Ладоге, на Сарском и Райковецком городище, а также в других местах (Шовкопляс 1954: 28; Эдинг 1928: табл. VII, XII; Старая Ладога 1948: табл. VI; Гончаров 1950: табл. XXXI; Мансуров 1941: 83).

3.1.5. Мяло, мягчило

Это деревянное орудие известно по этнографическим материалам с XVIII в. как *мяло*, *мялка*, *мялица*, *мялы*: «Сухие кожи ежедневно из воды вынимают и мнут на мяле». Были и железные подобные приспособления: «Гладило, скорнячное железо, чем скорняки

выделанная кожа трут, чтоб мяхче были; мяхчило, мяхчильное железо» (СлРЯ XVIII в. 13: 107, 108). В Вологодской губернии в XIX в. бытовала железная *плитка* — «чугунная пластина (иногда утюг без ручки), которой сапожник разминает кожу» (СРНГ, 27: 141). Учитывая поздние сведения и не отрицая возможного использования инструмента для разглаживания готовых кожаных изделий *гладилом* до XVIII в., больше оснований говорить об использовании одноименного инструмента при выделке кож. В Сибири использовали *крутушку* — кустарный инструмент для размягчения и обработки кожи. «Столб поставят и потом крутушку какую-то — и вот эту кожу туда» (СРГС, 2: 163).

Для середины XIX в. для разминания кожи использовали *доску*: «Доской из клена, верхняя сторона которой гладкая, а нижняя с зубчатыми ребрами разных номеров, эти зубчатые ребра делаются железные, действие доски состоит в разминании или раскатывании кожи» (СРНГ, 8: 141). Другое приспособление — *белоног* — состоит из горизонтальной дощечки длиной примерно в 3/4 метра, в которую вставлены две вертикальные стойки с закругленными или заостренными концами. На них кладется кожа, рабочий коленом натягивает ее между двумя стойками, придерживая края на стойках руками. От этого кожа вытягивается и становится мягче (СРНГ, 2: 223). Подобную конструкцию имел *беляк* — орудие для разминания и растягивания сыромятных кож. Состоит из доски или плахи, на которой укреплены 2 стойки с заостренными концами или железными наконечниками, служащие для закрепления обрабатываемой кожи (СРНГ, 2: 239).

Археологическими инструментами для разминания кож и овчин можно считать рассмотренный крюк. Кроме того, в древнейших слоях Старой Ладogi отмечены детали приспособления для разминания кож — *беляка* (Орлов 1954: 8).

3.2. Оборудование

3.2.1. Емкости

Емкости для отдельных операций выделки шкур составляют обязательный компонент материального обеспечения кожевенной мастерской. Здесь надо различать емкости для вымачивания, зolenия и дубления шкур, а также для крашения выделанной кожи. Письменные источники содержат несколько наименований емкостей, используемых в средневековой Руси. Основные емкости для кожевенного дела относятся к долбленной и бондарной деревянной посуде.

Известные по археологическим раскопкам средневековые емкости различного назначения систематизированы в своде Б. А. Колчина (Колчин 1968: 24—29). Бондарная посуда появляется в Галлии в первые века н.э. В Скандинавии она широко применялась, видимо, уже в эпоху викингов. Много бондарных изделий встречено в ранних слоях Старой Ладogi VIII—X вв. (Орлов 1954). Для кожевенного дела могли подходить разные виды крупных бондарных емкостей, типа больших пивоваренных бочек, кадок для зерна, воды, вместительных ушатov. Анализируя материалы Новгорода, Б. А. Колчин отметил, что в X в. бондарная посуда уже известна, но ее мало и, скорее всего, она была дорогой. Это только сосуды малых форм, диаметром до 27—28 см. В это время преобладала долбленная, берестяная и резная посуда. В XI—XII вв. количество бондарной посуды несколько увеличивается и ее состав расширяется. Часты находки сосудов диаметром до 42—43 см. В конце XII в. появились сосуды диаметром 45—50 см. С начала XIII в. объем бондарной посуды в обиходе новгородцев резко возрастает. Появились сосуды диаметром 50—70 см. Больше всего их найдено в слоях XIV и XV вв. — практически во всех новгородских домах.

Для выделки кож более всего подходят крупные бочки, кадки и лохани, емкостью до нескольких десятков ведер. К ним можно относить находимые в Новгороде водовозные бочки емкостью до 45 ведер (540 л). Их диаметр достигает 70 см, а высота 135 см. Но такие бочки найдены только в слоях XIII—XIV вв. (12 экз.). Другой тип — это десятиведерные дубовые бочки, имевшие стандартный диаметр 45 см и высоту по днищу 65 см. Эти бочки появились в конце XII в. и стали широко использоваться в XIV в. Небольшие шкуры также могли выделывать в бочонках высотой до 50 см и диаметром 39 см. Клепки таких бочек встречены в слоях XIII—XIV вв.

Среди кадок наиболее подходят в кожевенном деле кадки для варки пива. Большая кадка имела довольно стандартную форму и емкость. Диаметр ее колебался от 60 до 100 см, а высота от 55 до 100 см. В нее вмещается 30—35 ведер воды. Такие кадки как пивоваренные известны в XX в. В Новгороде они найдены в слоях XIII—XV вв. Кадки средних размеров имели диаметр около 40—50 см и высоту 50—60 см. Другие сосуды, такие как лохани, ушаты, шайки, жбаны, по размерам вряд ли могли применяться в качестве основных емкостей для выделки кож.

Из долбленной посуды по размерам подходят некоторые кадки, найденные в Новгороде.

До нас дошли только водосборники, но круг их применения мог быть значительно шире. Они имели различную емкость. Две кадки имели внутренний диаметр 25 и 27 см, другие — до 46—47 см и высоту 70 см, т.е. размер стандартной десятиведерной кадки.

Материалы Новгорода не охватывают раннегородской период VIII — первой половины X вв., представленный только в Старой Ладогге. По данным О.И. Давидан, в слоях указанного времени найдены многочисленные клепки и донца бондарных изделий. Половина изделий (11 ед.) имела диаметр 11—20 см, 9 — около 22—30 см, и только два изделия (?) имели большой диаметр — 46 и 50 см (Давидан 1991: 134). Кроме того, Г.П. Гроздилов упоминает о находке 1948 г. в слое E2 долбленной бочки с дощатым дном диаметром 66 см (Гроздилов 1950: 157). Наибольшие по размерам из ладожских находок вполне подходят для выделки кож.

С кожаным делом исследователи иногда связывают емкости, сложенные из кирпича или камня, хотя назначение их остается недоказанным. Одна из таких емкостей описана по раскопкам в московском Зарядье (Крис 1959: 104—108). Основание из двух смежных камер, выложенных кирпичом, подобное находке в Москве, отмечено при раскопках Брауншвейга в слоях второй половины XV в. (Götz 2006, Abb. 18). Однако подобные сооружения, скорее всего, следует считать основаниями печей.

3.2.1.1. Чаны

Можно выделить несколько названий для таких емкостей, известных по средневековым письменным источникам и данным этнографии: 1) *Тшан* или *чан*: «[1448—1461] А в соху два коня, а третье припряжь; да тшанъ кожанничской за соху». Во вкладной книге Антониева монастыря назван «[1585] тшанъ кожной» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 220—221). 2) *Дошан*: название отражает конструктивную особенность емкости — набор из дощечек. «[1655] Продали есми... кожанной дворъ... з дашаны с кожаными и з золники»; «[1665] четьре дошана квасных болших, девет(ь) дошанов малых» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 347—348). 3) *Дошник*: «[1650] Да въ погребѣ зелье въ восьми дошникахъ, отъ погребного отпачиванья во шти дошникахъ сыро, а въ дву мокро и къ стрелбе не годитца» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 347). Все эти названия обозначали кожаные чаны и в XVIII — начале XX вв.: «дошник, в котором кожи дубят» (СлРЯ XVIII в., 6: 247). Его также называли *хлебным чаном* — квасным чаном, в котором обрабатываемая кожа напитывалась раствором из овсяной муки

(Куликовский 1898: 128). М. Фасмер выводит слова *тчанъ*, *чицанъ* из др.-русс. *дъщанъ* — «дощатый», считая неверным предположение о его тюркском происхождении, поскольку *сап* — «большая кадка» — заимствовано из русского (Фасмер 1996, IV, 314). Их могли называть также *корцами* (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 308). В XIX—XX в. емкости различали по операциям: *дубник* — чан, в котором дубится кожа; *квасник* — чан, в котором квасят (дубят) овчины, *озол* — большая кадка, чан для раствора извести и золы (СРНГ, 8: 237; 13: 160; 23: 97).

Названия емкостей различали и по размерам. Так, в Казанской губернии *вертильником* называли чан для обработки кож емкостью 80 ведер (СРНГ, 4: 153). Но это различие не конструктивное. Большой чан или кадь называли также дошником и дошаном (СРНГ, 8: 166; НОС, 2: 100). В такой емкости и бортовали (т.е. укладывали кожи для дубления) и додерживали кожи — доводили до полного продуба (СлРЯ XVIII в., 6: 176; АОС, 2: 86).

Количество чанов в мастерской могло быть различным и зависело от технологии и последовательности операций. Подробные описания *кожаных заводов* известны только с XVII в. Для XVIII в. академик И. Лепехин описывал и конкретные операции: «Дубят следующим образом: налив в дщан одну половину простой воды, а другую сока, опускают решотку... Кладут кожи, и каждую кожу пересыпают дубовою толченою корою, где мелкая кожа лежит неделю, а крупная более... Вся разность дубенья состоит во времени. В четвертое дубенье кожи дубятся до трех недель и более» (СлРЯ XVIII в., 7: 22).

3.2.1.2. Бочки

Археологическими раскопками открыты остатки бочек, некоторые из которых прямо связываются с выделкой кож. В 1968 г. в Турове найдены дубовые донца деревянных боченков диаметром около 60 см. В этом же комплексе встречены и шилья (Лысенко 1974: 62). В Берестье водовозная бочка емкостью 220—230 литров найдена в постройке XIII в. (Лысенко 1985: 312—313, табл. 59). На этом памятнике отмечены и 6 отдельных клепок (из 230 подобных предметов) высотой 50 см и более, а также 4 донца диаметром 50 см и более (из 115-и предметов). Древнейшая в Москве кожаная мастерская, открытая в Зарядье, отнесена к концу XI — первой половине XII в. В ней найдена бочка диаметром около 1,5 м — чан для дубления кож, сохранившая «через более чем 800 лет резкий запах кожи» (Рабинович 1964: 100, рис. 41: 2). Реконструируемые размеры емкости вызыва-

ют сомнение, поскольку столь большие бочки в Новгороде не отмечены даже в XIII—XIV вв. Другая бочка найдена в Зарядье в мастерской сапожника середины XV в., на том же участке, что и предыдущая (раскоп IV). Из описания известно, что мастерская представляла углубленное в землю почти на 1,5 м сооружение размером 4×4 м, в котором пол был залит известковым раствором толщиной до 15 см. На известковом полу сохранился тонкий слой золы, но здесь не было остатков шерсти и корья. В пол постройки на 0,45 м была врыта бочка для замачивания кож, долбленная из цельного ствола липы, диаметром 56 см, с тремя расположенными по вертикали отверстиями для регулировки уровня воды. Это производственное помещение выходило на улицу, тогда как жилой дом стоял в глубине двора. В помещении и вокруг него найдено много обрезков кожи, заготовок обуви и остатков старой обуви, собранной для починки (Рабинович 1964: 102).

3.2.1.3. Зольник

В археологической литературе зольником иногда называют чаны. Данное в работе Б.А. Рыбакова описание и название сооружения XIII в., открытого в 1932 г. на Славне в Новгороде, в дальнейшем становится эталоном для всех аналогичных сооружений (Рыбаков 1948: 401; Левашева 1959: 45). В описании это дощатый ящик из колотых плах, концы которых вставлены в пазы вертикально врытых столбов. В ящике сохранилось много шерсти и золы с известью (Арциховский 1949: 126—127). Позднее такие конструкции были найдены на Неревском раскопе Новгорода, а также в других городах.

В Тверском кремле, в слоях XII—XIV вв. найден «деревянный ящик столбовой конструкции, аналогичный чану XII в. для вымачивания шкур, найденному на Славенском конце Новгорода» (Жилина 1986: 54), названный «кожевничим чаном» (Мясникова 1985: 72). На Верхнем Замке Полоцка зольник открыт в слоях XIII в. Это квадратный в плане сруб со сторонами 1 м, сохранившийся на два венца, сложен из бревен диаметром до 0,18 м. «В углу сооружения и около него обнаружена большая куча шерсти, смешанная с известью. Местами известь встречена в слежавшихся кусках» (Штыхов 75: 42).

В одном из древнейших комплексов московского Зарядья, конца XI — середины XII в., найден дощатый зольник, содержащий много золы и извести, перемешанной с шерстью. Другой зольник открыт также в Зарядье, в комплексе предмонгольского времени (раскоп IV), сгоревшего при разорении

Москвы татарами в 1237 г. Зольник находился в сенях избы. Вокруг него и во дворе, вокруг дома, отмечено много отходов кожевенного и сапожного ремесла — шерсть, зола, корье, обрезки кожи (Рабинович 1964: 100, 102).

В Пскове двукамерный «чан» с остатками извести найден в 1969 г. в слое XIV в. у Педагогического училища (Лабутина 1970: 26). Из описания можно понять, что это зольник. Другой производственный участок по выделке кож И.К. Лабутина открыла в Окольном городе Пскова у пересечения улиц К. Маркса и Пушкина. В слое 9—11 пластов здесь встречено много шерсти животных. Здесь же найдены 3 «ящика» столбовой конструкции. Внутри ящиков было скопление золы и извести, а вокруг — много шерсти. «Ящик № 3» представлял двухкамерное сооружение размером 3,3×2,1 м, обнесенное каменной вымосткой с трех сторон. Он датирован серединой — концом XVIII в. и определен как ящик для зольения шкур. «Ящики» № 2 и 4 датированы концом XVIII—XIX в. Размеры «ящика» № 2 около 2,3×1,5 м, а остатки «ящика» № 4 имели короткую сторону 1,1 м (Лабутина 1994: 39, 41, Приложение, рис. 6—8).

С XVII в. зольник упоминается как чан, в котором вымачивали кожи в растворе золы и извести. Он отмечен во множественном числе на заводе С. Поганкина в Пскове: «[1678] За Великою рекою кожевной дворъ... с кожевнымъ заводомъ: 3 дощаны с кожевными и 3 зольники и 3 жолобами» (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 61). Источники XVIII в. названием зольник отмечают различные объекты. Это — чан или кадка, в которой зольят кожи, а также яма для негашеной извести, используемая при зольении кож. Так же называли и водный раствор золы с известью, в котором зольят кожи (СлРЯ XVIII в., 8: 226). А в XIX — начале XX вв. зольником или зольной в Псковской, Тверской и Вятской губерниях называли и помещения для зольения кож (СРНГ, 11: 337).

3.2.2. Доска для строгания и мездрения шкур

Для этих операций использовались приспособления наподобие *кобылы*, известной с XVIII в. «Выглаживают [кожу] на кобыле, сделанной на подобие коромысла», — писал академик И. Лепехин (СлРЯ XVIII в., 10: 73). Из описания В. Даля, это «у скорняков — наискось установленная доска, козлы для обработки овчин и кож» (СРНГ, 14: 17). В начале XX в. их также называли *кобель* (СРНГ, 13: 356) и *козюля* (СРНГ, 14: 80). Катком называли ровную березовую доску на подставках, на которую кладут кожи после вытяги-

вания их на беляке — доске из клена (СРНГ, 13: 132). До XVIII в. в крестьянском хозяйстве широко применяли *колоду* — тяжелое бревно, колоду, как для бытовых нужд, так и в кустарных промыслах (в качестве подставки, прессы и т.п.) (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 244). *Колодой* называли и плаху, на которую в кожевенных заводах кладут кожу при очистке: она имеет полукруглую форму, плоской стороной обращена к полу и одним концом упирается в пол, а другой конец парой ножек приподнят на высоту около аршина (Куликовский 1898: 39; СРНГ, 14: 153).

Исследователи древнего Торопца пишут о вероятном обнаружении на городище приспособления для выделки кож, которое нашел и атрибутировал Н.П. Милонов при раскопках в 1938 г. Он писал: «обнаружено толстое бревно с двумя вырезами с двух сторон. Это бревно было прижато плахами около выемок, на бревне лежали клинья и камни, а на поверхности бревна под доской зажата кожа. Здесь же были найдены остатки кожаной обуви и различные обрезки кожи. Несомненно, что все отмеченные приспособления в целом составляли сыромятный постав для выдела кожи, для вытягивания сыромятной кожи на бревне и для разглаживания ее» (Милонов 1938-А, л. 19). М.В. Малевская и Д.И. Фоняков, комментируя это сооружение по отчету Н.П. Милонова, отмечали, что приложенный к отчету рисунок не позволяет разобраться в конструкции приспособления. Но оно не похоже на уже известные устройства для обработки кож. Тем не менее, несовершенство документации раскопок 1938 г. не позволяют безоговорочно отказаться от предложенной интерпретации (Малевская, Фоняков 1991: 61). Подобное приспособление Г. Виллак описал по находке в Гданьске в слое XI в. (Wiklak 1969: 269—270).

3.3. Материалы для выделки кож

3.3.1. Кора дуба, ивы

С XVI в. известен собирательный термин *корье* — кора деревьев, приготовленная для дубления кож: «[1588] Кожевнику Никону новоторжцу дано на кор(ь)е 10 алтнъ, да... на кожи дана полтина» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 355). Кожу дубили корой разных деревьев, например, ивы, которую сами же и запасали. «[1589] Дано Оксену кожевнику на иву х кажевному делу две гривны»; «[1637] Явилъ кожевник Дмитрей Нефедов на четырех лошадех непомногу лык ивовых» (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 76—77). И в XIX — начале XX в. дубом называли всякую кору для дубления, в том числе ивовую (*ивина*) (СРНГ 12: 59). В XIX — начале XX в. в северо-

западных губерниях словами *бред*, *бередник* обозначали ивовую кору, идущую на лапти и на дубление кожи (СРНГ, 3: 170, 172; НОС, 1: 85—87). «Содранная кора ивы складывается и продается кострами, от 1 р. до 1 р. 50 коп. за сажень. Кора эта просушивается в продолжении суток в бане или сушильне, устроенной близ мельницы. Затем кора размельчается в мельничных ступах в порошок, который и зовется дубом. Этим порошком пересыпают кожи в так называемом дубяном чану в течение 4—5 недель от 3 до 5 раз, таким образом, что на дно насыпается дуб, на него кладут кожу, затем опять дуб и т.д. По аналогии с ивовой корой кора, содранная с других деревьев, тоже зовется дубом, отсюда и названия: березовый дуб, сосновый дуб» (Куликовский 1898: 20).

Измельченную древесную кору называли *дуботолчина*: «Купных кожевных дуботолчин 4 лота» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 370). Такой корой дубили, или, как говорили тогда, «квасили», «крепили» кожу: «Кожу крепят [симбирские кожевники] не дубом, но листьями толокнянника» (СлРЯ XVIII в., 10: 250). Обычно кожевники имели у себя потребный запас дубовой коры: «[1585] Взяли по дщи по Никите по Кожевнике Никитины ж[е] рухледи: десят(ь) телятинокъ белых деланых... да две сажени дубу» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 368). В позднейшее время для измельчения дубильной коры служило приспособление *корьедранка* (СРНГ, 15: 38), а о процессе заготовке коры говорили *дубничать* (СРНГ, 8: 237).

3.3.2. Зола

Зола и известь нужны для размягчения шкуры перед удалением волоса, а также для обезжиривания ее. Кожевники использовали очень много золы и должны были ее постоянно покупать у соседей — горожан или у окрестных крестьян, которые, кроме других товаров, везли золу в город на рынок. Документы о такой торговле известны с конца XV в. «[1497] А привезетъ хто белозерець городцкой человекъ... ленъ, лукъ, чеснокъ, орехи, яблока, макъ, золу, деготь, и имъ у нихъ имати съ воза и съ саней по денге». Судя по названиям, золу везли преимущественно специально для кожевников: «[1568] Купил золы кожевные дал рубль 10 де[нег]» (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 56). Такие записи находим в приходно-расходных книгах монастырей: «[1581] Меньшой казначеи Саватя купил кож сырых и телятин и золы, и дуб на золу казаки из лесу возили и сушили и толкли» (СПЛ XV—XVII в., 1: 236). Известь — «вапъ» — была одним из составляющих состава для золения шкур и для

обезжиривания снятой шерсти. «Собирают ту коровью шерсть, которая у кожевников во время выделки кож соскабливается, и ее еще золят сутки трои в крепком березовом щелоку» (СлРЯ XVIII в., 8: 221).

В новгородских писцовых книгах среди занятий жителей названы *золяник* (*золеник*) — человек, торгующий золой, или золивший кожи, или отбеливавший полотна: «[1584] Место пусто тяглое Филковское Нефедова золяника». Аналогичная запись есть и в переписной книге Казани: «[1631] Дв(ор) вдовы Онтониды Луки золеника з зятем на полуделе, государево дело делают пол-2 полотна тройных» (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 61). Такие упоминания единичны, что затрудняет определения конкретного занятия человека. Однако маловероятно, чтобы упоминаемые *золяники* занимались золением кож. Надо считать, что в основном золу приготавливали сами кожевники или покупали ее у соседей-горожан. Известное число новгородских кожевников на 80-е гг. XVI в., а их А.В. Арциховский насчитывал 427 человек, потребляли для производства кож столь большое количество золы, которое вряд ли был в состоянии приготовить для них один человек. Надо учитывать и то, что кроме названных в писцовых книгах кожевников, золу использовали и такие специалисты, как скорняки (104 человека), бобровники (34), овчинники (26), ирешники (19). Кроме того, ее могли употреблять и выделяемые узкие специалисты: подошевники (17), тимовники (8), сыромятники (4) (Арциховский 1939: 3—15). Понятно, что для такого крупного города, как Новгород, один *золяник* не может обеспечить даже бытовых потребностей в золе, если он будет производителем золы, а не крупным оптовым покупателем и продавцом. Скорее всего, именно таких оптовиков XVI—XVII вв. отразили писцовые книги двух крупнейших производственных центров кож и меха того времени — Новгорода и Казани.

В то же время зола имела и другое широкое применение — при варке мыла, для отбелики тканей, «варки щелоков», в книжном и печатном деле. По письменным документам XVII в. исследователи уже заметили тенденцию к выгодному сочетанию мыловарения с кожевенным делом. Например, в закладной, датированной 1692 г., выданной Волоколамскому монастырю торговым человеком Гостиной сотни И. Ф. Мыльниковым, среди строений отмечены «мыльный завод с котлом, две кожевничьи избы». По материалам сибирского города Енисейска к концу XVII в. кожевники часто совмещали свое занятие с разведением и скупкой скота, мыловаренным и салотопен-

ным производствами (Ключевич 1971: 96—97, 110, 131).

Для золения древесную золу смешивали с известью, исходной формой для неё был мел — белый известняк. Его отдельно использовали для различных целей, в том числе — для чистки и отбеливания мехов. Лечебник XVII—XVIII в. рекомендовал мел от глист: «[1614] Мелового ряду Ивашку... за 13 гривенокъ мелу 4 ал[тына]. Куплень натирать шубы куньи» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 77).

3.3.3. Сапожная мазь

В качестве таковой использовались ворвань и деготь, которыми намазывали кожу для предохранения от гниения. Едва ли не единственная бочка с остатками дегтя была найдена в Полоцке в слое 40-х годов XIII в. (Штыхов 1975: 73). Возможно мазь иного вида отмечали источники XVI—XVII в.: «[1589] На свечи на салные... на куфшины и на сапожную мазь... всего два рубля и девять алтын» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 62). Деготь также иногда упоминался в ряде документов этого времени (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 200). Но применительно к сапожному делу он мог быть назван иначе. В Уставе ратных дел XVII в. отмечена *сапожниковая смола* — вар, который мог быть красным и черным: «Растопи черную сапожникову смолу, что они варомъ называютъ, истолки гораздо серу горячую да селитру, да положи въ тое смолу, да добрую старую олифу, да невь, льняное масло» (СлРЯ XI—XVII вв., 19: 260; 25: 201). Вероятно, такой смолой пропитывали или натирали обувь и в Сибири: «[1648] А с ними пошло... тритцетеры чарки плохие ж, подошвы смолные, пятеры уледи, триста аршин холсту середнево» (СлРЯ XI—XVII вв., 25: 204). Прямое упоминание о натирании дегтем кожи относится только к XVIII в. «Из внешней белой бересты гонят в закрытых ямах деготь, который употребляется в выделке юфтей» (СлРЯ XVIII в., 6: 69); «[Деготь] употребляется в выделке юфтей и намазывании разных кож»; «Выкрашенные кожи с мездры намазывают дегтем или ворвянным салом» (СлРЯ XVIII в., 13: 236).

3.3.4. Краски

Намеренная окраска кожи в средневековой Руси, видимо, не производилась. Нельзя считать окраской тонирование кожи, получаемое при ее дублении. Распространенной формой тонирования можно считать до XVI в. отмачивание кожи в настое железных опилок и лома, придающее поверхности темно-коричневый

или черный цвет. Для этого также могли использовать красители растительного и минерального происхождения — *van*. Слово *van* имело два значения — краска и известь. В качестве краски для кожи оно зафиксировано в сибирских и северных источниках. «Пимы новые олен[ь] и шиты из двунатцети камысов в ысподи крашены вапом 24 камыса олен[ь] и» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 51). Одним из видов растительного красителя (?) мог быть *желтин*: «[1670] Къ сафьянному заводу... дано... шафрану 50 золотниковъ... желтину фунтъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 85).

В России была известна *рета* — красная краска из корней марены (СлРЯ XI—XVII вв., 22: 147). Её употребление в кожевенном деле не фиксируется, хотя и было возможным. В то же время *санда*, получаемый из одноименного дерева, видимо, использовался в крупнейших ремесленных центрах именно для окраски кож. В Новгороде и Ярославле отмечена специальность *сандальник* — человек, торгующий или красящий кожи сандалом: «[1584] Да у них же в подсуsidникехъ Юшко сандалникъ да Степанко кожевникъ»; «[1646] Дв. Ивана Иванова сына сапожника... дв. Бажена строгалника; дв. Семена сандалника» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 56—57).

Среди минеральных красителей для кожи источники называют *купорос зеленый сапожный* — железный купорос или сернокислая закись железа, вероятно, применялся для окраски преимущественно сафьянов: «[XVII в.] Отвесит[ь]... 50 золотников купоросу сапожного зеленого» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 132). В Указе о промыслах читаем: «[XVII в.] Мазной яри, селитры по однуку нашатырю в полы купоросу немного сапожново» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 9).

С XVIII в. окраска кожи и кожаной обуви становится обычным, а используемые для этого вещества разнообразными, в том числе применяли и сажу: «Находятся дощечки сажи, настоящия Аглинския, для сапогов и башмаков, которая наводит хорошую черноту» (СлРЯ XVIII в., 13: 139). Также иногда красят кожи, катая их в мешках: «Когда хотят красить кожи, то сшивают их... на подобие мешка, оставив малое отверстие, в которое наливают горячей красильной состав, и завязав, катают кожи, чтобы краска везде равномерно впиталась» (СлРЯ XVIII в., 10: 9). В Сибири русские поселенцы перенимали способы выделки кожи у аборигенов. С. П. Крашенинников так описывал выделку кож у камчадалов: «Оленьи и собачьи кожи на платье [камчадалы] красят ольхою чрез многократное натирание мелко изрубленную корою» (СлРЯ XVIII в., 10: 231).

3.3.5. Квасцы

Квасцы известны по письменным источникам с XVI в. (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 106). Они могли получить развитие в связи с окрашиванием, поскольку при смешивании с красками они дают наиболее красивые цвета на коже, делая ее очень приятной. Но упоминания их в приводимых источниках не связаны с кожевенным делом. Хотя, без сомнения, квасцы использовались при выделке сафьяна в 1660-е гг.

4. Сортамент кож

4.1. Названия материала по степени обработки

В древнерусских письменных источниках кожный покров животных, как материал для разных изделий, имеет два названия — *кожи* и *скура*. Слово *скура* древнерусское, церковно-славянское и общеславянское, оно родственно лит. *skara* «лоскут», лат. *scortum* «шкура» (Фасмер 1996, III: 650). Словом *скура* обозначали преимущественно пушнину: «[945] Игорь же, утвердив мир с греки, отпусти слы одарив скорое (скорою — по Радзивил. л.) и челядью и воском и отпусти я» (СлРЯ XI—XVII вв., 24: 235). По мнению М. Фасмера, слово *скорняк* образовано от *скорнь* — сапог, которое происходит от *скура*. Можно сравнить его с украинским *скіря* — сапог и аналогичным значениям в словенском, чешском, польском, верхнелужицком языках (Фасмер 1996, III: 652). Надо полагать, что в древности *скорою* называли не только меха, но и шкуры и кожи. Это относится и к названию мастера кожевника *скорняком* (СлРЯ XI—XVII вв., 24: 242). В источниках XVI—XVII вв. собирательное слово *скорье* обозначает невыделанные кожи или шкуры (СлРЯ XI—XVII вв., 25: 6). Слово *кожа* только в раннем тексте означает «шкура, кожа с шерстью»: «[XII в.] Въ милотьхъ и въ козьяхъ кожьхъ». В других же источниках это определено «выделанная шкура животного». Только древнерусским М. Фасмер называет и более редкое название сырых шкур — *язно* (Фасмер 1996, IV: 550).

Среди специалистов нет единства в вопросе о значении терминов *язно*, *усма* и *кожа*. Например, И. С. Вахрос не мог объяснить различие в понятиях слов *кожа* и *усма* (Вахрос 1959: 33), И. И. Срезневский считал *усьмъ* сыромятью, т. е. выделанной кожей (Срезневский 1912, III: 1268), тогда как Б. А. Рыбаков *усние* называл готовым для сапожника материалом, а *кожу* — наименованием сырой шкуры, что отразилось и в названиях мастеров — *коже-*

мяка и усмошвец (Рыбаков 1948: 400—401). Последнее мнение поддерживал и М. Фасмер (Фасмер 1996, IV: 171). В немногих источниках XVI—XVII вв. *усма* выступает только как выделанная кожа (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 25; 7: 220, 241). И в этом значении *усние* сохраняется в диалектах до XX в. (НОС, 11: 98).

Однако уже в XVI в. для обозначения выделанных шкур обиходным стало слово *кожа*. Расширение и изменение значения слово *кожа* можно видеть в его употреблении при обозначениях основного деления кожевенного сырья на *деланные* и *неделанные* кожи. Такое деление отражено в берестяной грамоте № 500, датированной XIV в., где перечислены товары или имущество (Зализняк 1995: 448—449). Это же разделение сохраняется и позднее: «[1675] На другомъ возу: ... кожа неделанная сырая» (СлРЯ XI—XVII вв., 28: 73).

Кожи сырые лингвисты считают обозначением «кожи после первичной обработки». Но не совсем ясно, какие действия они называют «первичной обработкой». Имеющиеся примеры указывают, что это были «свежеснятые шкуры»: «[1583] Да на Емцы купил две кожи бычат[ь]и сырые, дал 21 алтын» (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 368). В записях они отделяются от кож *деланных*: «[1683] На те ружные и на вкладные денги покупать... и обувь и обувные всякие сырые и деланные белые и красные кожи» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 21). В других примерах *сырая* кожа определенно становится синонимом — *кожа неделанная*: «[1676] На другомъ возу... сточка мяса соленого, кожа неделанная сырая, четыре овчины неделаныхъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 11: 71). Это значение подтверждают и позднейшие источники (СлРЯ XVIII в., 14: 160; СРНГ, 21: 10).

4.2. Сорта выделанных кож

Выделанные кожи можно разделять по виду обработки на 4 группы: сыромятные, жирового дубления, таннидного дубления и пергамент (Поварнин 1912: 2; Химия и технология 1964). Вид обработки в древности помогают определять и уточняющие термины *деланной* кожи — *белые*, *красные* и *черные*. Деление по цвету отражает различие в способах выделки, при которых кожи сохраняют (*белые*) свой изначальный цвет — *красные* и *черные*. К *белым* можно относить кожи сыромятные, имеющие разные названия, и кожи квасцового дубления, при котором цвет также не изменялся (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 91, 137; 4: 118; Никитин 1971: 26). Хотя некоторые филологи и историки склонны считать прилагательное

белый признаком некрашеной кожи (СОРЯ, 1: 127; СРНГ, 2: 232).

Филологи дают двоякое объяснение прилагательному «красный» применительно к видам кож: 1) крашенный, цветной и 2) высокосортный, наиболее ценный. Для решения этого вопроса наиболее интересны контексты, в которых сопоставляются разные виды кож и сырья, например: «[1683] На те ружные и на вкладные денги покупать... и овчины, и шубы, и всякое шитое платье, и обувь и обувные всякие сырые и деланные белые и красные кожи» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 21). Но такие примеры единичны. Обычно определения кожи краткие: «[1677] Две шкатулы погребцовые немецкие, обочены кожею красною» (СлРЯ XI—XVII вв., 15: 202). Нельзя в этом вопросе ориентироваться и на словоупотребления позднейшего времени, поскольку ранние названия кож могли применяться к различным видам товара (СРНГ, 15: 194—195). Еще более запутывают вопрос единичные факты употребления иных названий, например, *кожи полкрасные*, объясняемые как *кожи второсортные*: «[1663] Явил... товару... .і. кожиць красных мастерскихъ, юфть полкрасныхъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 16: 223). Также необъяснимым выглядит упоминание черных кож: «Отборно хорошия белыя и черныя кожи отправляются... в город Архангельск» (СлРЯ XVIII в., 17: 193).

Анализ всего комплекса письменных упоминаний и сравнение их с одновременными комплексами археологических предметов позволяет предполагать, что для XVI—XVII вв., когда преимущественно применялись термины «белые» и «красные» кожи, они означали цвет выделанных кож. Белыми могли называть кожи сыромятные, жирового или квасцового дубления, а красными — кожи таннидного дубления. Здесь под дублением понимается сам процесс обработки шкур, придающий им особые качества и предохраняющий от гниения. Название «черные» кожи появляется только в XVII в. и относится к красnodубным козам, пропитанным дегтем. В качестве примера можно привести текст, содержащий все виды наименований. В описи казны Саввина Сторожевского монастыря 1676 г. отмечены «кожи всякие: пять кож красных да шестая малая красная ж; да красной же кожи переды с пятамы сапожные; дватцать кож дубленых белых; осмьнатцать передов дубленых кож да десять передов дубленых кож неполные, потому что из них вырезаны тебенки; шестьдесят лоскутов белой кожи дубленых; шестьнатцать лоскутов красной кожи; пятьдесят четыре кожи сыромятных больших и середних и ма-

лых да четыре полы сыромятных; полтретья хоза подошев; четыре лосины деланные; лосина неделаная; девяности пять телятин больших и малых ирхи; две кожи дубленые черные; чемодан коженой, платья кладут, с петлями, ветх; дватцать девять тебенков с одним тебенком» (Кистерев, Тимошина 1994: 117).

С другой стороны, надо учитывать, что в указанный период словоупотребление, видимо, не всегда было ограничено какими-либо нормами и зависело, в большей степени, от стереотипов употребления названий в каждом регионе или городе. В то же время и писцы не всегда могли знать или определить конкретный вид технологического процесса выделки.

4.2.1. Сыромять

В русских средневековых городах, несомненно, существовала выделка сыромяти, на что указывают письменные источники и данные этнографии. Можно предполагать и разные региональные способы выделки сыромяти. Но в археологическом материале сыромять практически не выделяется. Одной из причин этого можно считать априорное представление археологов, что долго лежавшая в культурном слое сыромятная кожа визуально неотличима по цвету от кожи таннидного дубления, поскольку таниды, растворенные в грунтовой воде и содержащиеся в органических компонентах культурного слоя, окрашивают сыромять подобно дубленой коже. По нашему мнению, это представление опровергает находка в Тверском кремле ремешков из свиной сыромятной шкуры с более рыхлой и светлой окраской глубинных слоев материала, отличной от дубленых кож из тех же стратиграфических слоев раскопа (Курбатов 2004а: 37). С другой стороны, показательны находки в археологическом контексте меховых шкур с окраской, подобной таннидному дублению (рис. 17).

Технологи определяют сыромять, как: «шкура, лишенная волоса и жиrowанная без специального жирового дубления» (Поварнин 1912: 230). Это один из древнейших способов выделки шкур, сохраняющийся и в средневековье. Статья Никоновской летописи упоминает его применительно к событиям конца X в.: «[995] Некий усмошвецъ приступивъ, рече ему (Владимиру): имамъ сына, иже, кроящу ему кожу сыромятную великаго вола аргичнаго, и разъсверепевъ с некоей вещи, раздра ее руками на двое» (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 69). В источниках XVI—XVII вв. эти кожи почти всегда назывались именно сыромятными. В отдельных текстах к ним можно причислить и *сырые кожи*. Из текстов видно, что сыро-

мятную кожу использовали преимущественно для изготовления всевозможных ремней и завязок, для конской сбруи или иной *справы*: узды, шлеи, *побочин* — ремней для стреножения лошади (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 287; 15: 133).

Мячина. Сыромятная кожа имела и другое устойчивое и широко распространенное наименование *мячильная*, *мячинная*, *мятильная* или *мяхчильная кожа*: «[1592] Куплено пят (ь) кож телятинных мяхчильных дано 42 алтна» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 341). Название идет от основных действий при выделке — *мять*, *разминать*, *обрабатывать* с целью размягчения: «[XVI—XVII в. > 1560] Оному же мнущу сырую кожу». Самое раннее упоминание найдено в польских делах за 1570 г. Из мешины шили мошны, сапоги, ичетыги, уледи, рукавицы-верхонки (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 51, 124; 9: 140). В писцовой книге по Ярославлю 1646 г. и в переписной книге Кадашевской слободы 1631 г. отмечаются как отдельная специализация кожевников — *мешинник*, ремесленник, обрабатывающий овечьи или козы шкуры на мешину, и изготавливающий изделия из нее. В городах существовали и особые *мешинные ряды* — места торговли разными сортами кож.

В источниках по Северо-Западу и Русскому Северу, где чаще всего упоминаются *мячины*, отмечено деление кож на дубленые и обработанные на мячину: «[1661] Кожевнику, что он делал две кожи коровьих дубленью... да двенатцеть опойков мячиною»; «[1645] Кож мячинных и подошев задубных». Такое разделение не позволяет ставить знак равенства между мешинами и сафьяном, что иногда встречается в словарях (СПЛ XV—XVII в., 2: 224). Этот тезис подкрепляют отдельные тексты: «[1630]

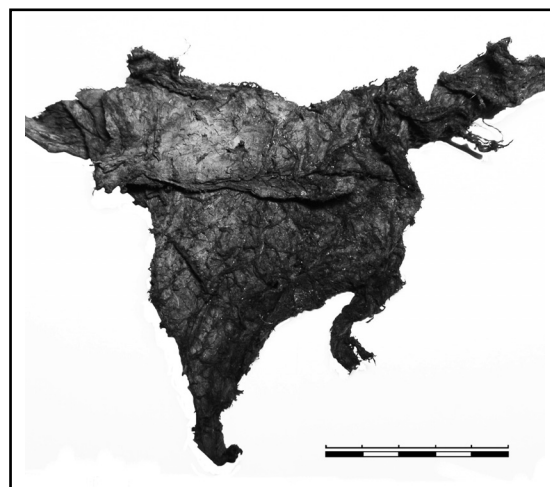

Рис. 17. Обрывок выделанной меховой шкуры. Псков, комплекс конца XV — начала XVI в.

2 ичирыки, одны сафьянные желтые, а другие мяшинные» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 140).

Из тестов можно видеть отсутствие жесткой связи мячинных кож с определенными породами животных. Мячинные кожи называют и опойками, что может указывать только на размер шкуры, и небольшими конскими шкурами. Дополнительной характеристикой являются указания на цвета мешины — белые, желтые, зеленые, красные (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 243; 7: 277; 9: 140). Суть такого деления надо видеть в особом тонировании кож.

Кожа квашеная. Отмечена в источниках конца XV—XVII вв. Слово *квас* означало квасную гущу, кислый мучной раствор с квасцами или смесь различных кислот, употребляемую в разных производствах, в частности, в скорнячном: «[1687] Да скорняку Филипу Данилову на квасы к делу обезьяны 6 денег» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 104—105). Можно присоединиться к мнению Г. Поварнина, что под «квашеными кожами» в средневековые понимали сыромятные кожи, размягченные в кислых настоях. В этом технолог исходил из практики кожевников-кустарей конца XIX — начала XX в.: «Квашеная овчина, подошва, сыромять — фабрикаты, выделанные без золки с помощью обработки хлебом. Квашенье — обработка киселем» (Поварнин 1912: 222). Такое понимание подтверждают и записи XX в., в которых квашение связывается с обработкой овчин, а *квашениной* называются «заквашенные сырые кожи» (СРНГ, 13: 159—163). Из записей XVI в. можно понять, что квашение проводили в специальных кожаных мешках — квасных мехах, бурдюках: «[1581] Меншой казначей Саватья на Беле озере в меншую казну купил 20 кож воловых болших на квасные мехи да 15 юфтеи мятильных кож» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 104—105). Таким образом, *квашенные кожи*, вероятно, являются другим названием для мячины — т.е. сыромятной кожи, выделанной в особых технологических режимах.

4.2.2. Кожки жирового дубления

Эти кожи отличаются от сыромятных и мячинных по химическим процессам, проводимым при выделке, и получаемым физико-химическим изменениям в кожевенном материале.

Замша. М. Фасмер считает, что слово *замша* заимствовано в русский язык от польского *zamsz* из средне-верхне-немецкого *saemisch leder*, восходящего к французскому *chamois* — «серна, кожа серны» (Фасмер 1996, II: 77). С ним соглашаются Н.М. Шанский с коллегами, добавляя, что заимствование из поль-

ского относится к началу XVII в., а немецкое *saemisch (leder)* переводится как «земландская (кожа)», в котором *semisch* является суффиксальным производным от топонима Samland. Поэтому неверно считать слово *замша* исконно русским, родственным словам «замшиться, мох» (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 156). Еще в конце XIX в. подобную этимологию признавал Н.В. Горяев (Горяев 1892: 55).

Способ выделки замши характеризовал Г. Поварнин как «дубленая жиром кожа» (Поварнин 1912: 221). Слово начинает регулярно встречаться в русских деловых записях первой половины XVII в., хотя наиболее ранняя запись датируется 1477 г. В ней сообщается о покупке в Тавризе «замшей триста четыре замши по 4 алт. замша» (Ларин 1948: 120). В текстах замша выделяется среди других сортов кож: «[1623] А осталось у целовальников Михайловы рухледи после пожару... 6 сафьяновъ зеленыхъ полиняли, 2 мешины зеленыхъ, замша вишнева, 2-й сапоги, 2 ступни» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 140; 16: 179). Интересно упоминание покупки замшевых кож у сыромятника, что позволяет связывать этого специалиста с выделкой различных сортов кож не таннидного дубления: «[1664] Куплено у сыромятника у Аристка Кирьякова две козлины замшеные, дано дватцат три алтна 2 де[ньги]» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 246—247).

Ирха, по-видимому, является другим названием замши. По М. Фасмеру, это название дубленой овечьей или козьей шкуры, распространенное в Калужской, Новороссийской, Вятской и Нижегородской губерниях. Украинское *ircha* заимствовано через польский язык в форме *ircha* — «замша» из средне-верхне-немецкого *irch* — «тонкая белая дубленая кожа» и происходит от латинского *hircus* — «козел» (Фасмер 1996, II: 139; Горяев 1892: 60).

В русских деловых документах названия *ирха* и уменьшительное *ирешка* встречаются со второй половины XVI в. Самое раннее упоминание отмечено в расходной книге Ипатьевского монастыря: «[1553] Шиты шубы новые на служебников, и на дияковъ, и на слуг, и на детей на деловых, куплено на них сряды и ирхи и опушки...» (СлРЯ XI—XVII вв., 27: 160). В Новгороде в это время отмечена особая ремесленная специальность — *ирешник*. Это название кожи продолжает широко употребляется в XVII—XVIII в., вплоть до XX в. (СРНГ, 12: 210—211). Для выделки *ирхи* брали шкуры молодых животных — телятины, опойки и другие, которые полностью перечислены в Словаре коммерции (СлРЯ XVIII в., 9: 112).

Ирхи использовали для переплета книг, на пошив кафтанов и шуб, рукавиц, головных уборов, кошельков-мошон (СлРЯ XI—XVII вв., 6: 248—249; 22: 234; 27: 160).

Лайка — как сорт кожевенного товара связывается с первоначальным значением «дубленая собачья кожа», кожа из шкур охотничьих собак — лаек (Фасмер 1996, II: 451; Шанский, Иванов, Шанская 1971: 232). Г. Поварнин отмечает особый технологический процесс выделки таких кож — *лайковое дубление*, с использованием квасцов, жира и муки (Поварнин 1912: 224). Ранние упоминания кожи относятся к последней четверти XVII в. (СлРЯ XI—XVII вв., 8: 165). Практика выделки собачьих кож, по-видимому, складывается первоначально у русского населения Сибири и затем распространяется на всю территорию России. Из *лайки* шили обувь, рукавицы и перчатки (СлРЯ XVIII в., 11: 109).

Ровдуга, ролдуга — название оленьих кож жирового (?) дубления, близких *замше*, первоначально бытовало у народов Сибири и жителей Русского Севера. Происходит от самского *rovva* — «одеяло из шкуры» (Фасмер 1996, III: 488) и в этом значении сохраняется на Русском Севере до XX в. (СРНГ, 35: 111). Неверно связывать название *ровдужный* с окраской кож *ровгой* — краской из коры ольхи, которой окрашивают нитки и рыболовные сети (Куликовский 1898: 100). В XIX—XX в. понятие *ровдуги* несколько расширяется, к ним относят выделанную светлую кожу, оленью, лосиную и иную замшу (рис. 18). Но есть и дыmlеная ровдуга — выделанная и слегка продыmlенная над тлеющим огнем оленья кожа (СРНГ, 35: 112). Но это же и специально выделанная баранья или козляная шкура: «Овчины складешь в квасило, шерсть начинает выходить — убираешь, сушишь; отомнешь

рогдугу, кожу-то, делается мягкая, и шубу сошьешь» (СРНГ, 35: 124).

Кожи из оленьих шкур получили распространение в Русском государстве в период широкого освоения Русского Севера и Сибири. Наиболее раннее упоминание оленьих кож как товара, получаемого у народов Севера, относится к XV в.: «А ядь их рыба и мясо, а торгъ ихъ соболи и песцы и пыжи, и олений кожи» (СлРЯ XI—XVII вв., 21: 81). Правда, есть упоминания *оленин* в берестяных грамотах, но значение слова остается неопределимым. Массовыми эти упоминания становятся только в XVII в. Неоднократно упоминается и сам факт покупки кож у самоедов: «[1662] У самоедцов у Давыдка с товарищи куплено 15 оленин сырых» (СлРЯ XI—XVII вв., 23: 39). Называются кожи сырые, белые, пимы, кисы, камысы, ровдуги, торбосы. По времени забоя животных кожи делят на зимние и весенние (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 313; 7: 51, 221). Оленьими шкурами аборигены выплачивали ясак русским властям.

Русское население Севера, а затем остальной России восприняло у аборигенов Севера способ жирового дубления и распространило название *ровдуга, ролдуга* на замшевые кожи, выделанные из шкур животных разных пород. Самое раннее упоминание относится к 1491 г.: «Да ещо, душа моя, на сей стороне салтанъ Баязытъ, отецъ ми названой, къ нему послати доброго поминка не долбыли есмя, одинъ будетъ у тебя доброй кречеть, да портищо добрыхъ черныхъ соболей, да добраа рыба зубу, да добрыхъ ролдугъ добудешь пришли, у тебя прошу...» (Памятники, 1884, № 28: 109). Кожи служили для книжных переплетов, сумок — мошон, одежды — шуб, рукавиц, штанов; а в Сибири использовались для чумов (СлРЯ XI—XVII вв., 12: 274; 22: 170—171, 177; СРНДРС, 1991: 132—134).

Мякотная кожа — по-видимому, является ещё одним наименованием *замши*. В хозяйственных документах фиксируется с первой половины XVII в. и сохраняется до XX в. Кожи отличаются от дубленых: «[1635] Кож дубленых, да и мякотинных, да крашенин на 100 на 10 р». Из этой кожи шили рукавицы, делали книжные переплеты (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 343; СРНГ, 19: 80; СРГС, 2: 310).

4.2.3. Кожи квасцевого дубления

Г. Г. Поварнин дает определение *квасцованная сыромять* — кожа, дубленая квасцами — раствором сернокислого алюмо-калия (Поварнин 1912: 222). Он рассматривает квасцевание как один из примитивных вариантов предохранения сырых шкур от загнивания при

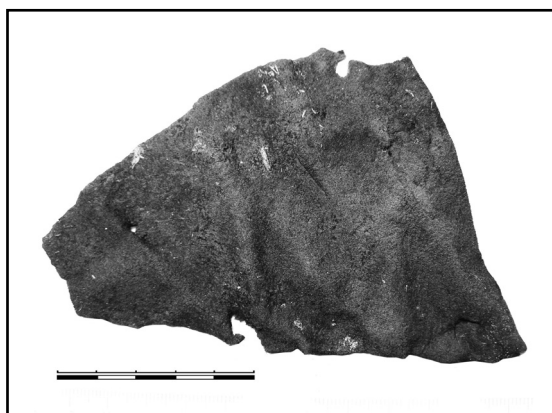

Рис. 18. Ровдуга. Надымское городище, раскопки 2006 г. XVII—XVIII в.

помощи натирания разными солями. Каменная соль могла заменяться алюмо-калиевыми квасцами, которые оказывали на шкуру примерно то же действие — т. е. замедляли или исключали её загнивание. В древнеримском обществе такое использование квасцов было значительно усовершенствовано. Шкуры не натирали квасцами, а длительное время выдерживали в растворе квасцов, возможно при незначительном подогреве настоя. Это вело к глубокому проникновению молекул солей в кожную ткань, что позволяло качественно предохранять её от гниения. О таком варианте дубления в средневековье писал английский исследователь Рой Томсон (Курбатов, Матехина 2004: 351). Длительное воздействие на кожу растворов солей сближает процесс с таннидным дублением, что позволяет считать его своеобразным дублением — квасцевым.

Тим — можно считать одним из вариантов выделки квасцевых кож. Иноземное производство *тимов* обосновывает редкость упоминаний этого сорта кожи в русских источниках и его употребление в обиходе у правящей группы населения — князей, бояр, высших церковных иерархов. Например, *чоботы тимовы* упомянуты в завещании углицкого князя Дмитрия Ивановича 1521 г. «А што моег[о] плат[ь]я, а то плат[ь]е у моег[о] постел[ь]ничово... колпак столбун, полицы сажоны жемчугом гурмыским, да чоботы тимовы» (СлРЯ XI—XVII вв., 28: 80). В расходной книге новгородского Софийского дома 1601 г. записано: «Дано Вещняку звонцу за тим и за подошвы за приклад шесть алтын две деньги, а делал он Митрополиту войлочные сапоги» (Пронштейн 1957: 53). Показательны и случаи упоминания *тима* среди других видов кож, что отделяет его от дубленых и сыромятных кож. С. В. Бахрушин приводит документ о вывозе старцами Соловецкого монастыря из Вологды в 1600 г. «107 юфтей кож красных и белых, 3 юфти тимов красных, 6 юфтей баранов красных, 250 опойков белых, 204 кожи задубных и 400 рукавиц верхниц телятинных». Они же вывезли из Вологды в 1607 г. 211 кож задубных, 310 кож сырых, 127 опойков деланных, 3 сорока рукавиц кожаных, 4 юфти тимов черных, 4 барана и 75 подхомутников белых и красных, всего более чем на 290 рублей (Бахрушин 1952, I: 77). В данных примерах упоминание цвета тимов надо понимать как действительную искусственную окраску кож. В Новгороде существовала особая специальность кожевника — *тимовник*: «[1583] Даны на оброк на Холопыи улице пустые пожарные места Поздейка Суроженина... да место Клишовское перевозниково, да Васюка тимов-

ника» (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 223). В 80-е гг. XVI в. в Новгороде работали не менее 8 тимовников, а также были мастера, шившие *тимовую* обувь. Название *тим* не доживает до XIX в. даже в диалектах, его нет и в терминологическом словаре Г. Г. Поварнина (Поварнин 1912: 230—231).

Наиболее раннее упоминание *тима* встречено в новгородских берестяных грамотах №№ 261—264, происходящих с усадьбы «Е» Неревского раскопа и имеющих стратиграфическую дату вторая половина XIV в., позднее уточненную А. А. Зализняком — 70—90-е гг. XIV в. Эти грамоты являются частью единого документа, написанного одним почерком. В них называется имя известного персонажа новгородской истории Онания Курицкого (Арциховский, Борковский 1963: 89; Янин 1965: 149—152). В. А. Буров видел в перечне предметов список свадебных даров, а Л. В. Черепнин считал эти грамоты перечнем покупаемых изделий из ткани и кожи (Черепнин 1969: 288). Выделены две группы даров: а) какое-то число блюд; б) некая одежда или материал — ткани, кожи. Во второй группе повторяется термин *тим* — сафьян (или выделанная козловая кожа, по мнению А. А. Зализняка) (Зализняк 1995: 510—511). Перечисление дорогих предметов говорит о высоком социальном статусе дарителей (Янин 1975: 140—142).

4.2.4. Кож танидного дубления

Все выше названные разновидности кож можно относить к группе белых кож. Дублеными кожами в русских средневековых письменных источниках считали кожи, выделанные растительными материалами местного произрастания — кора ивы, дуба, ольхи. Выдерживание в настоях коры этих деревьев изменяет не только структуру коллагенов, но и цвет кожи. Чтобы отделить их от других видов дубления будет правильно называть такие кожи красnodубными. К ним же относятся и именуемые в источниках «черные кожи».

Одним из ранних упоминаний А. А. Зализняк считает послание в псковской грамоте № 4 (Лабутина, Костючук 1981: 74—78). Помимо публикаторов документа, он предложил свой вариант прочтения: «А оу Даних[е] доуб[е]ници, двои сапоги; оу Кюрила оу Соух[л]ина сна измази[ци]», где *дубеници* — это «рукавицы из дубленой кожи» (Янин, Зализняк 1993: 178—179; Зализняк 1995: 469). Однако свой перевод он неправомерно подкрепляет аналогиями из источников XVI—XIX вв., хотя дубление, как способ выделки кожи, имел в древней Руси широкое

распространение. Процессы дубления совершенствовались на протяжении всего средневековья. Г. Поварнин предлагал считать древнейшим русским дубленным товаром простыяк, выделяемым без киселевания, еще до изобретения юфти (Поварнин 1912: 228).

В источниках XVI—XVII вв. мы встречаем варианты наименований дубленой кожи. Например, кожи *задубные*: «[1664] Куплено у Федора Никитина шесть кож задубных дано десят[ь] рублей» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 188).

Широко использовался и термин *мостина* (мостовая кожа, мостовье, мостолье), который филологи объясняют как «шкура крупного скота, выдубленная, но еще не отделанная» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 274). Это определение соответствует объяснению Г. Поварнина: *мостовье* — товар, выделанный, но не окрашенный, или *полувал* (Поварнин 1912: 224). Возможно, этим термином назывались жесткие кожи особой выделки, идущие на подошвы обуви: «[1682] вяж [ь] ихъ сырых пол 2 кожи говяж[ь] ихъ мостолья» (СлРЯ XI—XVII вв., 9: 276). Такое объяснение Г. Поварнина, с заменой раннего названия *мостовье* в более позднее время на *полувал*, соответствует историческим данным, поскольку название *полувал* прослеживается только с середины XIX в. (СРНГ, 29: 138).

О процессе дубления кож в русских позднесредневековых городах мы можем судить по записям XVIII в. Например, академик И. Лепехин, проезжая в 1739 г. по русским провинциям, записывает процесс дубления кож в г. Муроме: «Дубят следующим образом: налив в дщан одну половину простой воды, а другую сока, опускают решотку... Кладут кожи, и каждую кожу пересыпают дубовой толченою корою, где мелкая кожа лежит неделю, а крупная более... Вся разность дубенья состоит во времени. В четвертое дубенье кожи дубятся до трех недель и более» (Лепехин 1795: 41; СлРЯ XVIII в., 7: 22).

Юфть. Название относится к сортам русских кож таннидного дубления, выделяемых в XVI—XVII вв. и позднее из шкур КРС и МРС. В Московском государстве для таких кож были ходовые названия *краснодубная кожа* или *краснодубный товар*. Появление названия *юфть* связано с развитием экспорта краснодубной кожи в XVI—XVII вв. в страны Западной Европы. Персидское по происхождению слово *джофт* первоначально означало «пара». Оно отражает технологический прием дубления кож парами и происходящий от этого метод счета кож. Трансформация звучания термина в «юфть» произошла уже

в русском языке, и в значении «пара» оно широко бытовало в хозяйственной и деловой речи XVI—XVII вв. (Курбатов 2002: 158 и сл.). Из русского слово попало в украинский, болгарский, чешский, польский, немецкий, английский, французский и другие языки (Черных 1994, II: 462—463), но в другом значении — как своеобразная «русская кожа» или «особо прочная кожа специальной выделки». В этом же значении слово затем стало употребляться и в России.

Технологическое значение приема дубления кож парами заключается в том, что при дублении на бахтармянную сторону шкуры ровным слоем насыпалась измельченная кора — дуб, а затем поверх нее накладывалась вторая шкура, бахтарма которой прилегала к первой. Таким образом, слой коры оказывался между бахтармянной стороной обеих дубящихся шкур, которые и составляли пару. При этом приеме таниды, содержащиеся в коре, полностью попадали в дерму, а не растворялись в окружавшем шкуры слое воды. Таким образом, рациональное использование измельченной коры сочеталось с максимально эффективным выделением из нее молекул таннидов, которые проникали в дерму кожи и связывали коллагены.

Проследить распространение в России западного значения слова *юфть* помогают словари русского разговорного языка последней четверти XVI — первой четверти XVII вв., составленные иностранцами, жившими некоторое время в России. Так, Парижский словарь московитов 1586 г. слово *юфть* не содержит (Ларин 1948). В словаре Тонне Фенне, составленном в 1607 г. по разговорам в Пскове, отмечены *белая и красная юфти*, записанные как *white suede* и *red suede* (Hammerich & Jakobson 1970: 78—79). Последние исследования западных специалистов привели их к пониманию *suede* как *замши*, материала привычного и модного в Западной Европе того времени (Swann 2001: 88). *Юфть* — это кожа русской выделки в понимании западноевропейцев, а использование его псковичами в начале XVII в. могло обозначать только счет парами. Третий словарь — это дневник Ричарда Джеймса, составленный осенью 1618—1619 гг., по-видимому, большей частью в Холмогорах (Ларин 1959). В нем *юфть* также не отмечена. Поэтому можно считать, что *юфть* в значении «краснодубная кожа» начинает усваиваться в русском обиходе не ранее XVII в. и первоначально в городах, ведущих широкую международную торговлю этими товарами — в Новгороде, Пскове, Холмогорах, Архангельске. Приведем харак-

терную запись посадского человека Семена Владимировича Котельникова, взявшего на себя обязательство по отношению к калужскому помещику стольнику Софрону Олфертьевичу Хитрову «[1668] зделать... в ево, Софронове, товаре сырых кож: 5 юфтей яловичих кож в красной товар доброй, да пять юфтей конинных в подошвенной и в дубляной товар, в что пригодится» (Устюгов 1950: 192).

Высказанный взгляд на специфику торговли русскими кожами (Курбатов 2009в) снимает имеющиеся противоречия источников и раскрывает суть феномена *русской кожи*. Повышение в XVI в. цен на кожи сделало очень выгодной торговлю ими. Развитие интенсивных приемов выделки кож в отдельных регионах Европы, например, в Германии и Швеции, отрицательно сказалось на ее качестве. Привлечение ресурсов России для обеспечения потребностей Европы в прочной и толстой коже благоприятно отразилось на развитии кожевенного ремесла в русских городах в XVI—XVII вв. Ещё и в XVIII в. поступают сообщения, что обмундирование европейских армий не обходится без русской юфти (Курбатов 2009в: 130—131).

Подошвенные кожи. В товарных росписях кожи преимущественно проходят по виду сырья. В Европейской России и в Сибири среди товаров называются различные кожи: сафьяновые, телятинные, яловые дубленые, бараньи, конинные, мешины (Вилков 1967: 102—103, 105—107, табл. 10). Но в документах XVI—XVII вв. упоминаются и особые *подошвенные (подошвенные)* кожи: «[1576] Купил... два барана дал 10 алтын, 2 кожи подошвенные дал 23 алтына 2 д[еньги]» (СлРЯ XI—XVII вв. 16: 33). Такое выделение указывает на особый вид выделки кожевенного сырья, что подтверждают многочисленные археологические находки, среди которых подошвы отличает более жесткая и толстая кожа. Этот сорт кож выделывали мастера — *подошвенники*: «[1583] Лав[ка] Павлика Никитина сына... а ныне по закладной кабале владеет Истомка Григорьев сын с Федоровы улицы подошвенник»; «[1612] Продал есми свое анбарное место... место подошвенника» (СлРЯ XI—XVII вв. 16: 33). Не случайно в крупных ремесленных центрах мы находим по писцовым книгам упоминание многих подошвенников. Особенно их много отмечают в Новгороде, где А.В. Арциховский на 1580-е гг. насчитал 17 подошвенников (Арциховский 1939: 3—15). Поэтому неправильно было бы считать указание на специальность *подошвенника* как доказательство разветвленной узкой специализации средневековых сапожников.

Кордуан — как сорт кожи, идущей на пошивку обуви, впервые отмечен в древнерусской форме *кондуван*. Слово попадает в русский язык, по-видимому, через посредничество польского *kordywan* и чешского, заимствованного из ср.-в.-н. *korduwan*, и происходит от названия испанского города Кордовы, где их первоначально выделывали (Фасмер 1996, II: 324). И.С. Вахрос, со ссылкой на М. Фасмера, относит появление слова к XV в.: «Кордованци — папуци». Морской Устав 1720 г. разделяет кожи: «Кожи козлинные и бараньи и кордовань замшеные». Но в Полном собрании законов Российской империи кордуан и замша разделяются: «Кожи козлинные и бараньи, замшевые и кордуань всякихъ цветовъ» (Вахрос 1959: 114—115). Отличие кордуана для этого времени отметил и Бюшинг: «Кордуан делается из козлиной кожи, и бывает... гладкой и шероховатой черной» (СлРЯ XVIII в., 10: 169).

Марокен. Название зафиксировано в русском языке только с XVIII в. в двух формах — *марокен* (1745 г.) и *марокин* (1788 г.) и обозначает тисненый сафьян: «Марокен или сафьян... из Прованса» (СлРЯ XVIII в., 12: 71).

Сафьян — дубленая козловая и баранья кожа (Поварнин 1912: 229). М. Фасмер объясняет происхождение слова из тюркских языков — кыпч. *saktyjan*, тоб. *saktajan*, связывая его с персидским *sext* — «крепкий, жесткий» (Фасмер 1996, III: 566). В русских источниках особенно много упоминаний использования сафьянов для переплета книг, для покрытия седел и крыльцев, для пошива обуви — сапог и башмаков. Но встречаются и единичные указания на иное применение: на покрытие саадака, кишень для налучи, подкладка на клобучки для кречетов, на чулки, на летник, для обклейки крабицы — коробки или ларца для хранения ценностей, священных реликвий, готовальни - несессера, перечницы, шкатулки, двери, стоек в хоромах. Упомянуты разнообразные цвета сафьянов — белые, желтые, красные, лазоревые, светло-зеленые, зеленые, рыжие, чубарые, вишневые, алые.

В отдельных научных работах проводится мысль о собственном производстве сафьянов в средневековых русских городах (Курбатов 2008а: 248—249). Но достоверная информация о производстве сафьянов в Московии относится только ко второй половине XVII в. В 1666 г. на Москве-реке, в дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича, был открыт первый сафьянный «завод» (Федоров 1887: 9). Этот «завод» просуществовал около 10 лет, поставляя сафьяны для «государевых» мастерских и для свободной продажи.

После смерти Алексея Михайловича он был закрыт по причине низких рентабельности и качества кож. Последующая организация сафьянного производства связана с развертыванием казенных предприятий в первой половине XVIII в.. В 1713—1714 гг. на базе металлургического завода, построенного в селе Липском тогдашней Азовской губернии, возникли и побочные мануфактуры — суконная, шляпная и чулочная. При них же был организован и завод по выработке кож «на подобие сафьянов» с окраской в разные цвета (Заозерская 1953: 51—52, 360). В дальнейшем эти и другие казенные предприятия передавались в руки частных предпринимателей. Но число кожевенных предприятий в России, организованных по принципу мануфактуры, в первой половине XVIII в. было невелико. К началу 1760-х гг. в Мануфактур-коллегии значилось около 40 кожевенных, замшевых и сафьянных заводов, располагавшихся почти исключительно в Москве и Петербурге. Это были преимущественно небольшие заведения с числом рабочих не более 30 человек, а чаще — значительно менее. Такое положение сохранялось и в конце XVIII в. Для этого времени описана организация выделки сафьянов в Астрахани (Любомиров 1947: 172—176).

Исходя из имеющихся источников, можно определенно говорить о том, что сафьяны на протяжении не только XVII в., но и всего XVIII в. были целиком или преимущественно привозными, изготовленными за пределами Московского государства, а позднее — Российской империи. Для конца XVII в. это наглядно иллюстрируют книги Московской Большой таможни за 1693—1694 гг. Большие партии сафьянов, и достаточно часто, поступали в Москву из Астрахани. Например, «февраля в 16 д. явил московитин Петр Стоянов по астраханской грамоте... 393 бунта сафьянов...», или «марта в 17 д. явил нижегородец посацкой человек... 900 юфтей сафьянов... да по астраханской зачетной выписи 100 юфтей сафьянов...» (Книги, 1961: 65, 67).

Хоз — козловая выделанная кожа, подобная сафьянам. Встречается в формах *хоз*, *хаз*, *гоз*, *газ*. Незначительная часть таких кож выработывалась в крупнейших городах России. Называется и способ выделки — дубление: «[1683] Кожевникам... за работу... что делали шесть хозов дубленых шестнадцать воротов... от дела дано 2 рубли 10 алтын» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 34). Употреблялся на пояса, сапоги, чеботы, башмаки, на чехлы для ножей, сабель, шпаг, пистолей (ольстры), топоров, на обшивки и наволки тулумбазов,

на тохтуи, саадачное лубье, узды, на покрытие и принадлежности седел и прочее (Савваитов 1896: 160). Часто называется место изготовления — «турский». Упомянуты цвета — белый, зеленый, черный, желтый, червчатый.

Булгара. Исследователи приволжского города Болгар, некогда столицы Волжской Болгарии, уже давно пытаются выяснить, как выглядела кожа, получившая свое название по древнему городу, и чем она отличалась от кож иной выделки. По их мнению, древность самобытного производства кожи и её высокое качество подтверждается хотя бы тем фактом, что в ряде языков народов Европы и Азии закрепилось название кожи по месту изготовления (Гагин 2000: 33—34). Изучение этого вопроса позволило визуально определить среди археологических материалов сорт кожи *булгари* как материал красnodубный, т.е. выделанный способом таннидного дубления из шкур крупного и мелкого рогатого скота. При этом возможно дубление настоями, придающими материалу яркий красный цвет. Однако красный цвет может быть также следствием специального крашения, что известно по этнографическим и письменным данным XIX—XX в. Главным же признаком этого сорта кожи надо считать особое тиснение внешней поверхности кожи — *мереи* (рис. 19, 20). Археологическое подтверждение этому найдено как в материалах раскопок Булгара, где отмечена отделка поверхности «сеточкой» из «неправильных четырехугольников», так и в русских городах северо-западной и центральной Руси XIII—XV вв. и в городах Западной Сибири XVII—XVIII в. (Курбатов 2009б).

4.2.5. Пергамент

На Руси с середины XIV в. пергамент начинает постепенно заменяться бумагой в деловых и государственных документах. На ней, например, написана ранняя духовная грамота Симеона Гордого (не позднее 1353 г.). Слово *пергамен* встречается в документах редко: «[1675] Проезжая... грамота... писана на паргамине съ золотыми буквами» (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 152). Чаще его заменяет слово *харатья*: «[1551] Семь грамотъ старыхъ купчихъ, на харатьяхъ съ свинчатыми печатми» (СлРЯ XI—XVII вв., 15: 37).

Как материал для письма пергамент был изобретен в глубокой древности. Г. Поварнин под влиянием одноименности г. Пергам относит изобретение к этому малоазиатскому центру, но пергамент знали уже в древнем Египте (Лурье 1931: 1—2), а от финикийцев переняли ионийские греки (Геродот 1993: 254). Путь

Рис. 19. Образец кожи «булгара». Псков, комплекс конца XV — нач. XVI в., раскопки 2007 г.

распространения из Египта на север вдоль побережья Малой Азии объясняет его появление в г. Пергаме, с которым греческие историки связывают начало изготовления материала. Метод выделки пергамента заключается в удалении из кожи жира при золении, с последующим натиранием сухой кожи мелом или известью (Поварнин 1912: 22). По мнению профессора И. А. Шляпкина, в Древней Руси он употреблялся среди других писчих материалов — бомбицины (бумага из хлопка), бересты и тряпичной бумаги (Шляпкин 1913: 79—81). Такие кожи выделывали из шкур различных животных — телят, баранов и ослов. Некоторые испанские пергаменты — козы, но они встречаются сравнительно редко и легко определимы по сохраняющемуся запаху. Ослиный пергамент тоньше телячьего и имеет сероватый цвет. Пергамент обычно красили в красный, лиловый и пурпурный цвета, реже — в черный и голубой. Так пергамент, на котором написана Библия Ульфилы, был пурпурно-лилового цвета, а сама запись сделана серебряными и золотыми буквами. Но в русской и славянской письменности крашеного пергамента не встречается. Наш пергамент в старину назывался *кожа* или *телятина*. Профессор И. А. Шляпкин не знал, проводился ли в России микроскопический анализ пергамента XI—XII вв., хотя считал несомненным, что его делали из бараньих кож. В XIII—XIV вв. он делается толстым и грубым. Это уже исключительно телячий пергамент и отсюда любопытно выражение: «писана книга на телятине». В древности у нас пергамент звался *харатья*, а само слово пергамент стало употребляться уже в Московской Руси в XVII в. Здесь, с точки зрения материала старорусских рукописей, исследование нашего пергамента должно быть произведено параллельно с греческим; но впоследствии был пергамент русской выделки. Заметно, что его делали неумелые руки. Лист такого пергамента,

принадлежавший Сахарову, любопытен своими особенностями: шкура попалась с дыркой, писец ее заштопал; затем были какие-то язвы, сыпь на животном — и они оставлены; рукопись идет, оставляя эти дырки в стороне.

Предположительно, выделка кож для натягивания на барабаны была сходной с выделкой пергамента. Барабанные кожи иногда специально отмечали источники XVII в.: «В Ладогу из Лавуйского острога послано: три кожи барабанных деланных... Восемь мешков кожаных пороховых...» (Бранденбург 1896: 259—260).

4.2.6. Другие виды кож

Кожы паюсные, в неясном значении, отмечены только в одном документе XVII в.: «5 кожъ паюсныхъ». Возможно, так называли пленку рыбьего икрного мешочка, используемого для затягивания окон вместо стекла (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 182).

4.3. Деление кож по качеству товара

Такое разделение полностью выделанных кож, надо полагать, также имело место. Однако источников для указания на качественные различия мало. Филологи отмечают специальный термин *розваль*, для которого предлагают два варианта значений по данным источников XVI—XVII в.: 1) кожи, не сложенные попарно (СРНДРС, 1991: 133) и 2) юфть второго сорта (СлРЯ XI—XVII вв., 22: 204). Обозначением второсортных кож полагают термин *полкрасные*: «[1663] Явил Федор Мишневу товару.... I. кожиць красныхъ мастерскихъ юфть полкрасныхъѢ. конинокъ небол[ь]шихъ мячилныхъ»

Рис. 20. Деталь обуви из кожи «булгара». Посад г. Березова (ХМАО), раскоп 2007 г. XVIII в.

(СПЛ XV—XVII в., 2: 87; СлРЯ XI—XVII вв., 16: 223). Такого рода определением можно предполагать и пренебрежительное упоминание *кожишек*: «[1682] Отпущено ... двадцет(ь) шесть оленьих кожишек зимних и вешних» (СПЛ XV—XVII в., 2: 69). Определенно указывает на испорченную при выделке кожу термин *выбой*: «[1667] Явилъ (Козма Филипов) .н. тюков юфтей весомъ .кѣ. пуда .г.чети .кѣ. фунта, в том же весу семь пуд выбою из[ъ]янных» (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 179).

Выводы

Рассмотрение сырьевой базы городско-го кожевенного ремесла является важной составляющей для оценки и выводов о развитии ремесла в средневековой России. В последние годы стало видно, что объем источниковой базы для изучения кожевенного ремесла необычайно широк и продолжает расширяться за счет введения в научный оборот новых археологических и письменных материалов. Сегодня это позволяет сделать некоторые выводы об уровне развития ремесла средневековой России на разных исторических этапах.

В отечественной историографии середины — второй половины XX в. развитие ремесла в древнерусских городах представляется как процесс постепенного совершенствования технологии и техники обработки материалов и производства различных изделий. Причиной и движущей силой изменений признаются потребности населения и технические возможности производства. Взгляд на древнерусское кожевенное ремесло содержит два основных тезиса: 1) высокий уровень технологии был достигнут уже в древнерусский период; 2) в технологии выделки кож, приемах раскроя и пошива изделий не происходило существенных изменений с древнерусского времени до XIX — начала XX вв. (Исюмова 1959: 195; Древняя Русь 1985: 269). При этом по большей части игнорируется возможность заимствования технических приемов из других регионов Европы и Азии. Единичные случаи выявленных межрегиональных взаимодействий в области древней технологии и техники пока еще не находят своего места в общиисторической оценке древнерусского ремесла.

Активизирующиеся в последние годы аналитические работы в области русского кожевенного ремесла связаны с постоянным накоплением археологических материалов из средневековых городов. Опыт отечественных и зарубежных исследователей показыва-

ет, что культурно-историческая оценка уровня кожевенного ремесла должна проводиться по группам массовых унифицированных изделий. Особенности древнерусского ремесла проявляются при сопоставлении крупных, представительных коллекций из разных средневековых городов Западной и Восточной Европы. На сегодня накоплен опыт обработки коллекций массового археологического кожевенного материала из городов лесной полосы Древней Руси — Старой Ладогои, Новгорода, Рюрикова Городища, Пскова, Твери, Торжка, Старой Руссы, Москвы, Дмитрова, Орешка, Ивангорода и других. Отдельные коллекции получили монографическое отражение в научных разработках (Курбатов 2004а; Осипов 2006). В Южной Руси небольшие по объему собрания кожаных предметов имеются только в Звенигороде Галицком, Заславле и Дорогобуже (Свешников, Брайчевська 1990: 122—129; Заяц 1995: 71—72, 92; Прищепа, Никольченко 1996: 36—37). Но география находок кожаных изделий в средневековых слоях городов Восточной Европы постоянно расширяется. Так, изучены отдельные комплексы во Владимире-на-Клязьме, где ранние слои долгое время считались «сухими», не сохраняющими органических материалов (Осипов 2007: 134 и сл.; Курбатов 2008б: 171 и сл.).

Кроме анализа самих кожаных изделий в последнее время складываются условия для систематизации средневекового пласта русской кожевенной лексики (Курбатов 2001: 399—416) и комплексной оценки памятников изобразительного и декоративно-прикладного искусства, применимых для данной темы (Осипов 2006: 17—18; Курбатов 2004б: 170—173). Отмеченные изменения, касающиеся расширения возможностей познания русского кожевенного ремесла, позволяют считать, что сложившиеся ранее взгляды на эту область древнего производства сегодня требуют серьезных корректив. Опираясь на работы Е.И. Ояевой, С.А. Исюмовой и других исследователей, а также на оценку комплексов находок из многих городов, полученных в последние годы, можно наметить четыре этапа в развитии древнерусского кожевенного ремесла, а также наметить общие черты предысторического раннеславянского этапа в ремесле.

Попытка проанализировать вероятное состояние кожевенного дела у древних славян основана на данных археологии, этнографии, изобразительных и письменных источниках (Курбатов 2005а: 302). Реконструируются этапы развития форм обуви в Восточной Европе, смена конструкций и стилей ее моделирова-

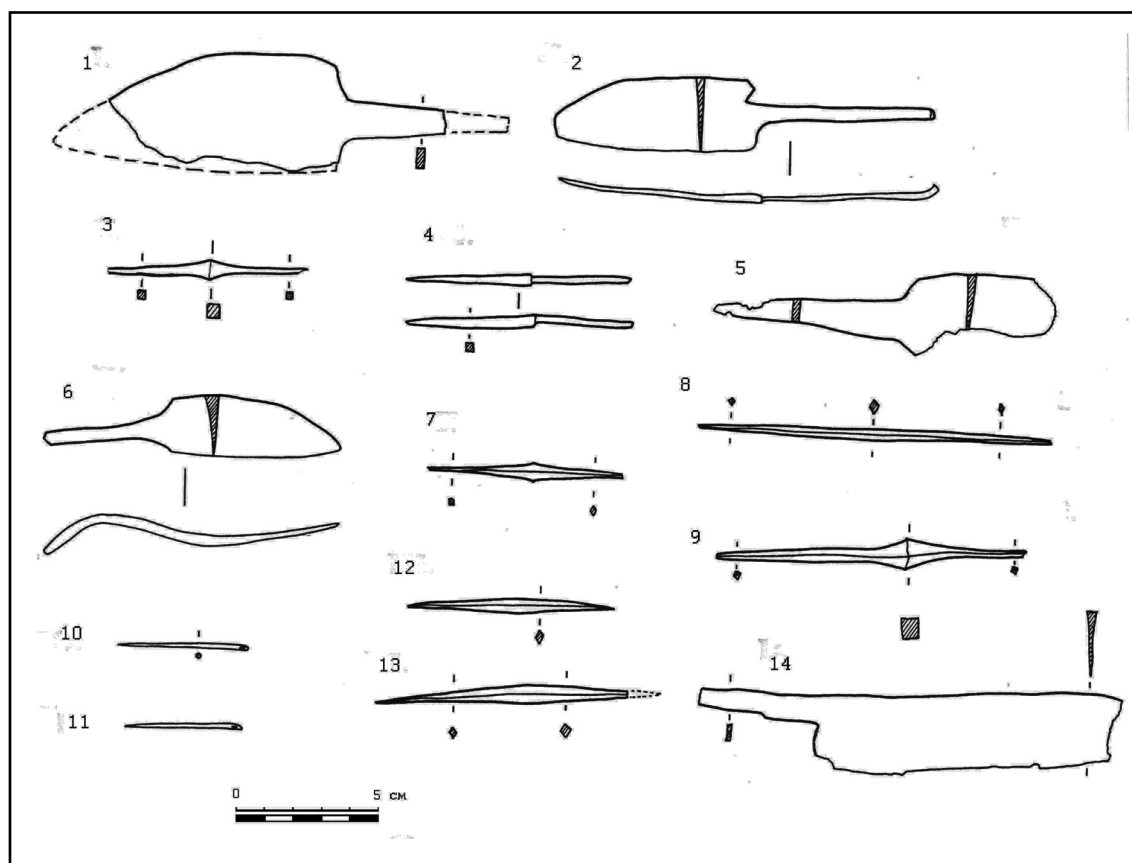

Рис. 21. Псков. Инструменты для обработки кожи, а также для раскроя и сшивания кожаных изделий, за разные годы. 1 — П-87, Бог. 5, № 16/3; 2 — П-87, Бог. 5, № 18/4; 3 — П-87, Бог. 5, № 39/1; 4 — П-87, Бог. 4, 6/Н.; 5 — ППМ-82, № 299; 6 — ППМ-81, № 515; 7 — ППМ-81, № 554; 8 — ППМ-82, № 342; 9 — П-89, Бог. VII, № 73; 10 — ПСЭС-77, № 278/5; 11 — ПСЭС-77, № 92/20; 12 — ПСЭС-77, № 177/5; 13 — ПСЭС-77, № 220/25; 14 — РГ-Х, 1991, № 163.

ния. Малочисленность археологических находок и письменных известий заставляет привлекать в оценке широкий круг евразийских аналогий, в то или иное время оказывавших влияние на славян. При этом учитывается близкая природно-географическая среда и сходная динамика изменений материальной культуры, что позволяют рассматривать развитие форм обуви и способов обработки кожи в родовых коллективах Евразии как аналог процессов, происходивших у древнейших славян, расселившихся затем в лесной полосе Восточной Европы. Можно выделить две основные традиции в кожевенном деле славян. Первая идет от средиземноморского очага цивилизации и влияла на родовые коллективы лесной полосы Европы через греко-римскую культуру, особенно в позднеримское время. Через них развивались способы таннидного дубления кож. Второй традицией надо назвать кочевническую, охватывающую лесостепную и степную полосы распространения славянских племен. Здесь широко использовались специфические формы выделки кож (преобладание сыромятных и кисломолочных спо-

собов дубления). В период, предшествующий сложению древнерусского государства, обе традиции уже сочетались на одних и тех же территориях. Их последующее совершенствование преимущественно связано с природно-климатическими особенностями регионов, что сохраняется на уровне кустарного производства еще в XIX — начале XX в.

Первый этап (VIII—X в.) охватывает раннесредневековый период. Это время становления городского кожевенного ремесла, когда происходил отбор технологических принципов выделки, наиболее рациональных операций раскроя и пошива изделий. Тогда же складывались конструкции основных видов древнерусской обуви, ее моделей, фасонов и способов декорирования. Данный период прослеживается, почти исключительно, по находкам в Старой Ладогe (Курбатов 2006: 54 и сл.). Обувь из древнейших слоев Ладоги показывает наличие 10 форм кроя, сочетающих различные конструктивные и декоративные элементы, придающие своеобразие каждой модели. Раннесредневековая обувь Старой Ладоги имеет серии близких конструкций

на памятниках северной части Европы, лежащих в ареалах Балтийского и Северного морей. Формы ладожской обуви находят аналогии: в погребении из Осеберга, на поселениях Хедебю, Дорестада, Елисенхоф, Волин, Риббе, Гросс Раден, Бирка, Миддельбург, Ведельспан Мозе, Йорк. Находки последних лет в Старой Ладоге особенно подчеркивают однотипность конструкций и стилей с моделями определенного региона — южной части Ютландии (Дания) и прилегающих территорий (современная Германия и Польша). Можно говорить о наиболее полной сопоставимости изделий из Старой Ладог и Хедебю. Ограничение времени бытования ладожской обуви второй половиной IX — началом X вв. позволяют связывать эти изделия с переломным периодом в истории восточнославянских племен, когда в Новгород был приглашен княжить Рюрик, первоначально пришедший «со своим родом» в Ладугу. Таким образом, небольшая по объему коллекция кожаных предметов попадает в круг вопросов, традиционно рассматриваемых в связи с «варяжской проблемой» (Курбатов 2008в: 130—132).

Материалы Поволховья отражают качественные изменения в крое и моделировки обуви первой половины X в. и указывают на то, что в это время в Северной Руси начинается складываться профессиональное средневековое кожевенное ремесло. В обувных формах проявляются устойчивые приемы раскроя, сшивания и декорирования. Тогда же в русских изделиях появляются черты своеобразия.

Второй этап (XI—XIII вв.) охватывает домонгольский период, когда в городах повсеместно работают профессиональные кожевники и сапожники, использовавшие универсальные технологические приемы. В большинстве городов Руси наблюдаются сходные виды и формы кожаных изделий. Прослеживается стабильный набор видов обуви — поршни, низкие туфли, полусапожки, сапоги и «комнатные туфли». Особенностью обувного ремесла было использование тонкой кожи для всех видов изделий, неразвитость внутренних элементов в конструкциях, повышенное внимание к декоративной отделке, подчас в ущерб практичности. До XIII в. в русских городах повсеместно преобладала низкая обувь — туфли и поршни, тогда как в последующем, в отдельных городах отмечается доминирование сапог (Исюмова 1959: 214). Исследователи подчеркивали, что для большинства древнерусских городов был характерен единый набор обувных конструкций, фасонов, приемов раскроя и пошива, видов декора. Делались и попытки представить общие черты древнерусских

и западноевропейских форм обуви (Исюмова 1959: 210—211; Оятева 1962: 83; Бебре 1987: 28—30). На наш взгляд, это не подтверждают известные комплексы.

В раскрое туфель преобладал цельнокроенный асимметричный верх и крепление обуви на ноге при помощи обор, продетых сквозь ряд прорезов на уровне лодыжки. В декоре отмечены расшивка цветными нитями, *продёржка* из кожаных ремешков и прошивка металлической нитью. Расширение географии коллекций кожаных изделий позволяет сформулировать особенности древнерусского обувного ремесла: 1) закрепление в профессиональной сфере простейших форм обуви — поршней, в т. ч. ажурных; 2) длительное сохранение моделей с удлиненной вытянутой пяткой подошвы, вшитой в соответствующий разрез верха; 3) длительное сохранение расшивки, как основного и повсеместного вида декора. В западноевропейских центрах поршни выходят из употребления в XI в., хотя, по-видимому, и сохраняются в домашнем ремесле в сельской местности, а заостренная пятка подошвы и расшивка существуют только до начала XII в. (Курбатов 2005: 231 и сл.). Кроме того, в городах Западной Европы и стран Балтии повсеместно бытуют своеобразные модели низких и высоких мягких башмаков, формы которых единичны в городах Древней Руси. Это различие западной и древнерусской моды отчетливо проявится в дальнейшем.

Сегодня можно усомниться в раннее сделанных выводах о высокой технологичности выделки кож уже в домонгольское время (Рыбаков 1948: 400—403, 779—781; Исюмова 1959: 195). Археологические материалы также не подтверждают наличие цветной кожаной обуви, известной по миниатюрам, фрескам и письменным упоминаниям XI—XIII вв. В массе археологической кожи встречаются лишь единичные, определенно крашенные, предметы и обрезки только одного цвета — красные (Оятева 1962: 88; Штыхов 1975: 72). Черный цвет кожи в коллекциях, видимо, является результатом использования настоя солей железа (Зыбин 1958: 40). Выделка сыромяти в лесной полосе, видимо, была ограниченной (Курбатов 1997: 370), а производство сафьяна на Руси остается гипотетическим.

Во второй период произошел качественный «скачок» в кожевенном деле Новгородской земли, фиксируемый по коллекции изделий с Рюрикова Городища, относимых к концу XI — первой половине XII вв. Здесь надо видеть переход в организации ремесла от его раннесредневековой формы к системе, характерной для развитого средневековья.

На Городище встречены разные варианты кроя мягкой низкой обуви, имеющие признаки как более ранних моделей (X—XI вв.), так и более поздних — конца XII в. — первой половины XIII в. Своеобразие ранних форм обуви на Городище определяет использование тонкой кожи и «стиль» швов, выполненных короткими стежками и очень тонкой нитью. Подобная манера пошива говорит о сложении профессионального кожевенно-обувного ремесла и высокой технической квалификации мастеров. С другой стороны, эти признаки обособляют находки с Городища от изделий XII—XIII вв. из Новгорода, Пскова и других древнерусских городов, где встречены более практичные приемы — стежки длиной 4—5 мм и более толстая нить. Кожаные предметы с Рюрикова Городища относятся к периоду «новгородской революции XII века», как назвал академик Б.Д. Греков смену государственного устройства в Новгородской земле в середине 1130-х гг., завершившую многолетнюю политическую борьбу Новгорода с великими киевскими князьями. Дискуссии о характере совершавшихся изменений, в основном, касаются прерогатив и функций разных институтов власти после 1136 г., тогда как положение основной массы ремесленного населения не вызывает самостоятельного интереса (Курбатов 2007: 99—103).

Однако, связь между развитием ремесла, изменениями в бытовой материальной культуре и политическими событиями, может быть подкреплена материальными доказательствами. Они обоснованы в работах В.Л. Янина и Б.А. Колчина, где отмечалась взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя. Это наглядно видно в исторической картине второй половины XI — начала XII в., когда переход в ремесленном производстве от изготовления вещей на заказ к их массовому производству на рынок потребовал резкого увеличения массы ввозимого сырья. А это, в свою очередь, повлекло за собой увеличение государственной территории за счет продвижения в Заволочье — основной район доходных промыслов. С такими процессами связывается стремительное усиление новгородского боярства, создавшего органы своей государственности, образование в Новгороде первых иноземных торговых дворов и консолидация крупнейшего купечества в корпорацию «Иваньское сто» (Колчин, Янин 1982: 91, 122—124 и сл.).

Третий этап (XIV — первая половина XVI вв.) охватывает период развитого средневековья, когда полностью раскрывается своеобразие кожевенного ремесла в русских

городах. Совершенствуется технология выделки кожи, что ведет к расширению сортамента кож различного качества и назначения. При пошиве обуви и других изделий начинают широко использоваться относительно толстые шкуры взрослых особей крупного рогатого скота. Развитие технологии выделки, в частности, выражается в распространении техники киселевания, что кожевник-технолог Г. Поварнин связывает с влиянием стран Востока (Поварнин 1912: 25, 139—148). По его мнению, в конце XIII в. кисели появились сначала в Торжке и Твери, а в XIV в. распространились во многих городах (Курбатов 1997: 367—373).

Взгляд Г. Поварнина требует особого внимания, поскольку в науке советского периода сложилась традиция негативного отношения к последствиям монголо-татарского завоевания Руси, в том числе и для ремесла (Рыбаков 1948: 525, 533—534; Муравьева 1973: 112; Черепнин 1977: 206 и др.). Аргументы в пользу положительных последствий монгольских завоеваний, таких как расширение связей между Европой и Азией, приводились достаточно редко (Борисов 1976: 129—148; Хара-Даван 1991: 185—186; Ланда 1995: 44 и сл.). Между тем, уже в 1920-е годы Ф.В. Баллод пришел к выводу, что «ради собственных материальных интересов ханы заботились о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли в завоеванных странах» (Баллод 1923: 89—90). Археологические находки свидетельствуют о быстром восстановлении торговых связей русских городов с Поволжьем, разорванных монголо-татарскими погромами 1238—1240 гг. Можно отметить время поступления самшита в Новгород, привозимого с Кавказа по Волжскому пути. Исследователи отметили, что второй подъем производства гребней в Новгороде падает на последнюю треть XIII в. и длится весь XIV в. (Полубояринова 1978: 48). Кашинные бусы также попадали в Новгород и его окрестности Волжским путем. Разовый всплеск их появления произошел в 40—50-е годы XIII в., т.е. непосредственно за татарскими разорениями (Лесман 1994: 191—192). С концом XIII — началом XIV вв. связывается появление в культурном слое Тверского кремля «золотоордынской» керамики (Лапшин 1997: 40).

В XIII — первой половине XIV в. в русских городах отмечается расцвет обувного дела, выраженный в разнообразии фасонов мягкой низкой обуви и её декора. В это время были популярны «ажурные» поршни и туфли с разнообразными видами нитяной расшивки.

Среди многочисленных бытовых кожаных изделий встречаются экземпляры с расшивкой, аппликацией, вырезным орнаментом. Технологические изменения в выделке кожи, использование для обуви, особенно подошв, более толстой и прочной кожи привели к изменению техники раскроя и пошива. Восточное влияние проявляется в «моде» на обувь. В XIV—XV вв. в русских городах начинает доминировать обувь с высоким «глухим» голенищем — сапоги, среди которых к концу XV в. стали преобладать модели «жесткой конструкции», в которых использованы стандартизованные внутренние и промежуточные детали (Курбатов 1994: 190—193). Такая конструкция отмечена в слоях XIV в. в Новгороде и Пскове (Ояева 1962: 87; Рабинович 1986: 89). Преобладавшие ранее ажурные поршни и мягкие низкие туфли выходят из употребления в XIV — первой половине XV в. Для сравнения можно указать, что с XIV в. высокая «глухая» обувь широко распространяется и в городах Польши (Wiklak 1969: 217—219).

С учетом влагонепроницаемости и удобства ношения изменяется декор обуви. На смену прорезному и прошивному орнаментам приходят тиснение и линование поверхности, хорошо прослеживаемые на сапогах, а также набивка мелких бронзовых гвоздей, обшивка голенища цветной тканью (?) и декоративные вырезы на голенище. Расшивка сохраняется только в отдельных, детских и женских, моделях. Эти элементы не известны на Западе в том виде, в каком мы их находим в русских городах, но прослеживаются по разным источникам в азиатских странах (Курбатов 2001: 197 и сл.). С влиянием Востока можно связать появление в русских конструкциях вшитого в головку заостренного носка подошвы, что несет конструктивную нагрузку, уменьшая соприкосновение основного шва с грунтом и уменьшая вероятность образования складки на подъеме при движении. Также восточным заимствованием можно назвать и отделку голенищ, поскольку до XIV в. древнерусские сапоги, видимо, не имели обшивки верха.

В обувной моде этого периода можно выделить разные направления. Мода на обувь с вытянутым вперед заостренным носком отражала эстетические нормы готики, и в среде аристократии ряда западноевропейских стран в середине XIV в. она бытовала в гипертрофированных формах, когда носки — *пулены* (*poulaines*) достигали длины в 40 см (Курбатов 1992: 222). Эстетизм таких образцов «высокой моды» перестает быть популярным

в большинстве стран Западной Европы в начале XV в., хотя в отдельных регионах подобная обувь сохраняется до начала XVI в. В русских городах эта мода появляется на короткое время — в последней четверти XV в. в связи с расширением торговых и политических связей со странами Запада при великом московском князе Иване III. Сапоги с вытянутыми вперед носками найдены в узко датированных комплексах на Затямацком посаде г. Твери и в Пскове, а также встречены при раскопках в Новгороде, Гдове, Яме (Курбатов 2004в: 268 и сл.).

В русских конструкциях обуви конца XV — начала XVI в. отмеченная западная мода получает самостоятельное развитие и изменение. Носок подошвы в моделях сапог уже не выступал вперед, а вшивался в вырез головки, что, как отмечалось выше, имеет конструктивное значение — уменьшает соприкосновение основного шва с грунтом и вероятность образования складки на подъеме сапога, возникающей при движении. О времени появления «русского варианта» западной моды свидетельствуют комплексы, найденные в г. Пскове на раскопах Васильевский и Петровские-VIII, IX. Можно считать, что почти одновременно с появлением в Пскове «клювовидных» моделей обуви псковские мастера начинают шить подражания, руководствуясь своим опытом и привычной для себя манерой раскроя, техникой сборки и материалом. Так появляются формы сапог с загнутым вверх и подшитым к вырезу в головке заостренным носком подошвы. В ранних моделях носок подошвы был наиболее длинным, но затем мастера переходят к пошиву рациональных и удобных при ношении коротких носков. Первые можно назвать переходными фасонами от сапог с заостренным носком, бытовавшими на рубеже XV/XVI вв. и в первое десятилетие XVI в. (Курбатов, Харлашов 2004: 146; Курбатов 2008г: 231). Отмеченный русский вариант западной моды можно считать той стабильной манерой раскроя сапог, которая доминирует в первой половине XVI в. и многократно тиражируется в различных городах России. Характерным примером может служить коллекция из Ивангородской крепости (Курбатов 1991б: 73—77).

Оценивая развитие кожевенного дела в русских городах, надо отметить, что в XIV — первой половине XVI вв. в них сложились высокопрофессиональные кожевенное и сапожное производства, отличные от аналогичных ремесел в странах Западной Европы. Различия ярко проявились и в технологии выделки кожи, и в формах массовой продук-

ции, прежде всего обуви. В большинстве западноевропейских стран на протяжении всего средневековья и нового времени наибольшей популярностью пользовались разнообразные формы низкой обуви — туфли и башмаки, отличные по конструкциям и декору от русских моделей, — как в древнерусский период, так и в XIV—XVI вв. Говоря о технологии выделки кож, отметим, что не случайно в Западной Европе в это время появился специальный термин «русская кожа». В XVI в. и внутри страны, и за рубежом отмечается особый спрос на этот вид русской ремесленной продукции, особенно на «новгородскую кожу», отличавшуюся особой дешевизной и ставшей одной из основных статей русского экспорта (Хорошкевич 1963: 155).

Четвертый этап (вторая половина XVI—XVII вв.) связан с усиливающимся влиянием на русское кожевенное производство западной техники, технологии и моды. В это время начинается выделка новых сортов кож (*ровдуга, тим, сафьян*), крашение кож, использование в декоре тиснения и вырезного орнамента, нанесенного специальными штампами. Меняется техника раскроя и пошива обуви: наряду с сапогами появляются туфли и башмаки жесткой конструкции на каблуках. Зафиксировано и расширение всего ассортимента кожаных изделий.

В этот период в русскую среду наиболее активно проникают носители западной культуры, в том числе и мастера, приносящие западные ремесленные традиции. Это проникновение усилилось в период и после окончания Ливонской войны. Ряд городов-крепостей северо-запада России попал под власть шведской короны. Изменения в материальной культуре последней четверти XVI — начала XVII вв. прослежены на материалах Ивангорода. Здесь смена обувных конструкций фиксирует «европеизацию» ремесла, продукция которого полностью аналогична изделиям многих западных городов, в том числе и голландских. В русских городах появляются разнообразные модели и фасоны низкой обу-

ви на каблуках, аналогичные по крою и декору западным (Курбатов 1995: 203—204). Новая обувь не просто попадает сюда с носителями, но начинает производиться на месте. Об этом свидетельствует упоминание 1 специалиста — *каблучника* в новгородских писцовых книгах 80-х годов XVI в. (Арциховский 1939: 7). Проникновение западной техники, моделей обуви и одежды, других элементов бытовой культуры в города России, в особенности на Северо-Запад, облегчила новая политическая ситуация в регионе, когда границы Швеции подошли почти вплотную к таким крупнейшим центрам ремесла, как Новгород и Псков. Этот период прослеживается по материалам многих коллекций, полученных при раскопках в городах северо-западного региона России. В раскопе 1981 г. в Старой Ладогре найден комплекс вещей последней четверти XVI в., где проявляются западные тенденции в кожевенной продукции.

Западное влияние на русскую культуру, в том числе на ремесло, усилилось с конца XVI в., показывая, что европеизация России активно началась не с реформ Петра Великого, а на столетие раньше. Такой вывод подтверждают исследования историков о численности и составе иностранцев, постоянно живших в России. Например, стало ясно, что и в первой и во второй половине XVI в. на русской службе находились сотни западноевропейцев (Скобелкин 2002: 49 и сл.). Также в Россию приезжало и большое число купцов из многих европейских стран (Демкин 1994).

Предложенная периодизация подтверждает выводы Г. Поварнина о непрерывном совершенствовании технологии кожевенного ремесла в средневековой России, основанные на изучении кустарного ремесла XIX — начала XX вв. Она сопоставима и с общей периодизацией новгородского ремесла, разработанной на основе анализа технического строя ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке (Колчин 1975: 53—58).

Литература

- Авдусин Д. А. 1957. *Возникновение Смоленска*. Смоленск: Смоленское книгоиздательство.
- Алексашенко Н. А. 2002. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография). *Уральский исторический вестник* 8. Екатеринбург: УрО ИИА РАН, 184—198.
- Алеппский П. 1898. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. *ЧОИДР* V. 1898. Гл. XIII.
- Аникин А. Е. 2003. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука.
- Антипина Е. Е. 2003. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Антипина Е. Е., Черных Е. Н. (отв. ред.) *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина*. Москва: Наука, 7—33.
- Антипина Е. Е., Маслов С. П. 1996. *Эколого-хозяйст-*

- венная обусловленность размеров крупного рогатого скота севера Древней Руси. В: Башенькин А. Н., Шумкин В. Я. (ред.) *Древности Русского Севера* 1. Вологда: Вологодский пед. университет, 243—248.
- Архангельский областной словарь. 1982. Вып. 2. Москва: Изд. МГУ.
- Арциховский А. В. 1939. Новгородские ремесла. *НИС* 6. Новгород: НИИМЗ, 3—15.
- Арциховский А. В. 1949. Новгородская экспедиция. *КСИИМК XXVII*, 113—122.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. 1963. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.)*. Москва: Изд. АН СССР.
- Асыргараева Г. Ш. 2003. К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани). В: Антипина Е. Е., Черных Е. Н. (отв. ред.) *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина*. Москва: Наука, 116—138.
- Баллод Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпеи» (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы)*. Москва; Петроград: Госиздат.
- Бахрушин С. В. 1952. *Научные труды*. Т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. Москва: Изд. АН СССР.
- Бebre В. В. 1987. Типы кожаной обуви Риги XII—XIV вв. и их ареалы. *КСИА* 190, 25—31.
- Белоруссы. 1998. Серия: Народы и культуры. Москва: Наука.
- Борисов Н. С. 1976. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. В: *Проблемы истории СССР V*. Москва: Изд. МГУ, 129—148.
- Бранденбург Н. Е. 1896. *Старая Ладога*. Санкт-Петербург: Юбилейное изд. ИРАО.
- Бубенько Т. С. 1991. *Посад Витебска X — первой половины XIV в. (по материалам исследований Нижнего замка)*. Дисс. ... кандидата истор. наук. Минск. Рук. архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2-д, д. 457.
- Бубенько Т. С. 2004. *Средневековый Витебск. Посад — Нижний Замок (X — первая половина XIV в.)*. Витебск: Изд. УО «ВГУ им. П. М. Машерова».
- Вахрос И. С. 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. *Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии*. Прил. к № 6/10. Хельсинки.
- Вдовина Л. Н. 1979. Земледелие и скотоводство. В: Арциховский А. В. (гл. ред.) *Очерки русской культуры XVII в.* 1. Москва: изд. МГУ, 25—54.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О. 2000. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году. В: Янин В. Л. (науч. ред.) *Археологические памятники Москвы и Подмосковья* 3. *Труды МИИГМ* 10. Москва, 153—159.
- Вилков О. Н. 1967. *Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.* Москва: Наука.
- Высотский С. А. 1989. *Светские фрески Софийского собора в Киеве*. Киев: Наукова думка.
- Гагин И. А. 2000. Сапоги «булгари» как один из главных элементов костюма древних булгар. В: Сташенков Д. А. (отв. ред.) *Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)*. Тезисы III Международной археологической конференции. Самара: СОИГКИ, 33—34.
- Гваньини А. 1997. *Описание Московии*. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Герберштейн С. 1988. *Записки о Московии*. Москва: изд. МГУ.
- Геродот. 1993. *История (в девяти книгах)*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Москва: НИЦ «Ладомир».
- Голубева Л. А. 1973. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Гончаров В. К. 1950. *Райковецкое городище*. Киев: Изд. АН УССР.
- Горская Н. А. 1977. Земледелие и скотоводство. В: Сахаров А. М. (отв. ред.) *Очерки русской культуры XVI в.* 1. Москва: Изд. МГУ, 43—98.
- Горский А. Д. 1969. Сельское хозяйство и промыслы. В: Арциховский А. В. (гл. ред.) *Очерки русской культуры XIII—XV веков*. Ч. 1. Материальная культура. Москва: Изд. МГУ, 34—155.
- Горяев Н. В. 1892. *Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка*. Тифлис: тип. Главнокомандующего.
- Гроздилов Г. П. 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г. *СА XIV*, 139—169.
- Громыко М. М. 1991. *Мир русской деревни*. Москва: Молодая гвардия.
- Давидан О. И. 1991. Деревянная посуда Старой Ладоги VIII—IX вв. *АСГЭ* 31, 131—135.
- Данилова Л. В. 1957. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. *История СССР* 3, 87—111.
- Демкин А. В. 1994. *Западноевропейское купечество в России в XVII в. (1)*. Москва: Институт российской истории РАН.
- Древнерусский город Изяславль*. 1983. Каталог выставки. Сост. М. А. Мирюлюбов. Ленинград: Изд. ГЭ.
- Древняя Русь. Город, замок, село*. 1985. Колчин Б. А. (отв. ред.). Серия: Археология СССР. Москва: Наука.
- Евляев К. Г. 1870-А. *Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина (1644—1685)*. Фонды ПГОИАХМЗ. Псков.
- Жилина Н. В. 1986. К вопросу о происхождении Твери. *КСИА* 187, 51—55.
- Зализняк А. А. 1995. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки русской культуры.
- Заозерская Е. И. 1953. *Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в.* Москва: Изд. АН СССР.
- Заяц Ю. А. 1995. *Заславль в эпоху феодализма*. Минск: Наука і тэхніка.
- Звездин И. И. 1887. Кожевенный промысел в деревнях Татарском и Лапшеях. В: *Нижегородский сборник*. VII. Нижний Новгород, 219—226.
- Зыбин Ю. П. 1958. Древнерусская обувь XII—XVI вв. Сообщение 1. В: *Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности* (4). Киев, 36—44.
- Зыбин Ю. П. 1968. *Материаловедение изделий из кожи*. Москва: Легкая промышленность.
- Изюмова С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. *МИА* 65, 192—222.
- Иностранцы о древней Москве. Москва XV—XVII вв.* 1991. Сухман М. М. (составитель). Москва: Столица.
- Ипатьевская летопись. *ПСРЛ*. II. 2-е изд. 2001. Москва: Языки славянской культуры; Кошелев.
- История Татарии в документах и материалах*. 1937. Москва: Соцэкгиз.
- История экономики Великого Новгорода и Новгородской*

№5. 2010

- земли. *Очерки хозяйственного развития*. 2009. С. Г. Митин (ред.). Великий Новгород: СПбГУ экономики и финансов.
- Кирпичников А. Н. 1980. *Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы*. Ленинград: Наука.
- Кистерев С. Н., Тимошина Л. А. 1994. Описи Саввина Сторожевского монастыря. В: *Материалы для истории Звенигородского края*. 2. Москва: Археологический центр.
- Ключевич А. С. 1971. *Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства, переработка жиров (с древнейших времен по 1917 год)*. Казань: Изд. Казан. ун-та.
- Книги Московской Большой таможни 1693—1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. *Труды ГИМ* 38. 1961. Москва: Советская Россия.
- Коваленко Г. М. 2005. Новгородская таможенная книга 1614/15 г. *НИС* 10 (20). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 384—474.
- Колединский Л. В. 1991. *Верхний замок Витебска в XI—XVII вв.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Минск.
- Колчин Б. А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период)*. МИА 32.
- Колчин Б. А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. *САИ Е1*—55.
- Колчин Б. А. 1975. Становление ремесла древнего Новгорода. В: *ТД советской делегации на III МКСА (Братислава, сент. 1975 г.)*. Москва, 53—58.
- Колчин Б. А., Янин В. Л. 1982. Археологии Новгорода 50 лет. В: *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука, 3—137.
- Кочин Г. Е. 1965. *Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в.* Москва; Ленинград: Наука.
- Краснов Ю. А., Каховский В. Ф. 1978. *Средневековые Чебоксары*. Москва: Наука.
- Кривцов И. 1912. *Кожевенное производство. Выделка и отделка кож для обуви*. Санкт-Петербург.
- Крис Х. И. 1959. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва). *КСИИМК* 77, 104—108.
- Куликовский Г. И. 1898. *Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург: Изд. ОРЯС ИАН.
- Культура Биляра. 1985. Отв. ред. Халиков А. Х. Москва: Наука.
- Курбатов А. В. 1991а. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания 3*. Ленинград: Изд. ЛОИА АН СССР, 130—140.
- Курбатов А. В. 1991б. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980—1986 гг.). *КСИА* 205, 71—77.
- Курбатов А. В. 1992. Рец.: F. Grew & de Neergaard, 1988. *Shoes and patters. Medieval finds from excavations in London*. 2. *РА* (4). London, 220—224.
- Курбатов А. В. 1994. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах. В: Черных И. Н. (отв. ред.) *ТАС* 1. Тверь: изд. ТГОМ, 189—195.
- Курбатов А. В. 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости. *РА* (2), 198—208.
- Курбатов А. В. 1997. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *ПСКОВ* 1. Санкт-Петербург; Псков: РАН. ИИМК; ПГОИАХМЗ, 367—373.
- Курбатов А. В. 2001. Кожевенная терминология и материальная культура. В: В. И. Завьялов (отв. ред.) *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск: РАН. ИА; УрО. УдмИИЯЛ, 399—416.
- Курбатов А. В. 2002. «Юфть»: историко-археологический комментарий. В: Селин А. А. (отв. ред.). *Староладожский сборник* 5. Санкт-Петербург; Старая Ладога: СИААМЗ, 158—174.
- Курбатов А. В. 2004а. *Кожевенное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993—1997 гг.)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Курбатов А. В. 2004б. Древнерусская обувная мода и время появления фигуры «мастера Авраама». В: Савинов Д. Г. (отв. ред.). *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции*. Материалы тематической НК, Санкт-Петербург, 1—4 декабря 2004 г. Санкт-Петербург: СПбГУ, 170—173.
- Курбатов А. В. 2004в. Комплекс раннемосковского времени с Затьмацкого посада г. Твери. В: Седов В. В. (отв. ред.). *АиИППЗ*. Материалы 50 научного семинара. Псков: ПГОИАХМЗ, 268—282.
- Курбатов А. В. 2005а. Предыстория русского кожевенного ремесла. *Stratum plus* 5, 2003—2004, 283—304.
- Курбатов А. В. 2005б. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. *History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950*. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443. *AB* 12. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 231—244.
- Курбатов А. В. 2006. Связи Поволжья с регионами Балтийского моря в VIII—XI вв. по материалам кожевенного ремесла. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 1. Санкт-Петербург: Нестор-История, 54—71.
- Курбатов А. В. 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле. В: Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). *У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Юрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции*. Историко-археологический сборник. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 89—133.
- Курбатов А. В. 2008а. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д. О. *Обувь Московской земли XII—XVIII вв.* 200 с.; 323 ил. 2006. Москва: Институт археологии РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. *AB* 15. Москва: Наука, 246—254.
- Курбатов А. В. 2008б. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире. В: *Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара* 2. Москва: ИА РАН, 171—190.
- Курбатов А. В. 2008в. Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.) *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 2. Санкт-Петербург: Нестор-История, 68—151.
- Курбатов А. В. 2008г. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских

- средневековых городах. *Записки ИИМК РАН* 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 210—233.
- Курбатов А. В. 2009а. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России. *Stratum plus* 5. 2005—2009, 284—310.
- Курбатов А. В. 2009б. О городе Болгар и сорте кожи «булгари». В: *Юбилейный сборник к 60-летию Е. Н. Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Курбатов А. В. 2009в. Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи». В: Носов Е. Н. (отв. ред.) *Археология и история Литвы и северо-западной России в раннем и позднем средневековье*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 122—133.
- Курбатов А. В., Матехина (Варфоломеева) Т. С. 2004. Мех и кожа в средневековой Европе. Рецензия на сб.: Esther Cameron (ed.). *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. London. 1998. AB 11. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 350—357.
- Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. 2004. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. В: *АиИППЗ. Материалы 50 научного семинара*. Псков: ПГОИАХМЗ, 137—153.
- Курц Б. Г. 1915. *Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича*. Киев: Тип. Чоколова.
- Лабутина И. К. 1970. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института. *АО-1969*, 25—26.
- Лабутина И. К. 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова. В: Седов В. В. (отв. ред.) *АИП* 2. Псков: ПГНИАЦ, 6—43.
- Лабутина И. К., Костючук Л. Я. 1981. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4. *СА* (1), 66—78.
- Ланда Р. Г. 1995. *Ислам в истории России*. Москва: Восточная литература РАН.
- Лапшин В. А. 1997. Быт Твери эпохи Михаила Ярославича (об археологических находках на территории Тверского кремля). В: Назарова Н. В. (отв. за выпуск). *Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие*. Тверь: АОАТО, 123—126.
- Ларин Б. А. 1948. *Парижский словарь москвитов 1586 г.* Рига.
- Ларин Б. А. 1959. *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса 1618—1619 гг.* Ленинград.
- Левашева В. П. 1956. Сельское хозяйство. *Труды ГИМ* 32. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Москва: ГИКПЛ, 19—105.
- Левашева В. П. 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. *Труды ГИМ* 33. Очерки по истории русской деревни. Москва: ГИКПЛ, 38—59.
- Левинсон Н. Р., Маясова Н. А. 1953. Материальная культура Русского Севера в конце XIX — начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 г.). *Труды ГИМ* 23. Историко-бытовые экспедиции 1949—1950. Москва: ГИКПЛ, 92—140.
- Лепехин И. 1795. *Дневные записки путешественника доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг.* Ч. I. (2-е изд.). Санкт-Петербург: Изд. ИАН.
- Лесман Ю. М. 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей. В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.) *НАЧ: Материалы научной конференции*. Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г. Новгород: НГОМЗ, 187—193.
- Лурье И. М. 1931. Обработка кожи в древнем Египте. *Известия ГАИМК* 7 (1). Ленинград.
- Лысенко П. Ф. 1974. *Города Туровской земли*. Минск: Наука и техника.
- Лысенко П. Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.
- Лысенко П. Ф. 1999. *Туровская земля IX—XIII вв.* Минск: Наука и техника.
- Любомиров П. Г. 1947. *Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в.* Москва: Госполитиздат.
- Малевская М. В., Фонаев Д. И. 1991. *Древний Торопец*. 1. Торопец: РАН, ИИМК.
- Мансуров А. А. 1941. Древнерусские жилища. *ИЗ* 12. Москва: АН СССР.
- Матехина Т. С. 2008. Археологические находки из «необычной» кожи. В: Янин В. Л. (отв. ред.) *ННЗИА* 22. Великий Новгород: НГОМЗ, 184—203.
- Милонов Н. П. 1938-А. *Отчет об археологических работах в г. Торопце в 1938 г.* Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 45.
- Миролюбов М. А. 1984. Орудия сенокосения Новгородской земли X—XIV в. В: Андреев В. Ф. (состав.) *Новгородский край*. Материалы НК, Новгород, 13—15 октября 1982 г. Ленинград: Лениздат, 165—170.
- Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. 1995. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе. В: Янин В. Л. (отв. ред.) *ННЗИА* 9. Великий Новгород: НГОМЗ, 129—156.
- Муравьева Л. Л. 1973. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV — п. п. XV вв.). *ВИ* 10. Москва: Изд. АН СССР, 111—127.
- Мясникова Н. В. 1985. Раскопки в древней Твери. *АО* 1983, 72.
- Наумов И. Ф. 1874. *Дополнения и заметки к Толковому словарю В. Даля*. Записки Имп. АН. Приложение к т. 24. Санкт-Петербург.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература.
- Никитин А. В. 1971. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв. *САИ* Е1—34.
- Никольская Т. Н. 1981. *Земля вятичей*. Москва: Наука.
- Никольская Т. Н. 1987. *Городище Слободка XII—XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в земле вятичей*. Москва: Наука.
- Новгородский областной словарь*. Вып. 1 (1992), 2 (1992), 11 (1995). Новгород: Изд. НГУ.
- Новицкий Г. А. 1928. Первые московские мануфактуры XVII в. по обработке кожи. В: Бахрушин С. В. (ред.) *Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX веков. Труды общества изучения Московской губ.* 1. Москва, 47—60.
- Овчинникова Б. Б., Копнина Е. В. 2000. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода. В: Шашков А. Т. (ред.) *Проблемы истории России* 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Уральский университет, 118—134.
- Орехов А. М. 1961. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. В: Устюгов Н. В. (ред.) *Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни*. Москва: Издательство АН СССР, 75—109.
- Орлов С. Н. 1954. *Деревянные изделия Старой Ладозжской археологической экспедиции*. Авто-

№5. 2010

- реф. дисс.... канд. истор. наук. Москва.
- Осипов Д. О. 2006. Обувь московской земли XII—XVIII вв. *Материалы охранных археологических исследований* 7. Москва: ИА РАН.
- Осипов Д. О. 2007. Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира. В: *Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара* 1. Москва: ИА РАН, 134—144.
- Осипов Д. О. 2009. Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле). В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара* 5. Москва: ИА РАН, 237—250.
- Оятева Е. И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. *АСГЭ* 4, 77—94.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1884. *Сборник РИО* 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией 1. Санкт-Петербург: Изд. импер. РИО.
- Пескова А. А. 1988. *Древнерусский город Изяславль XII—XIII вв. (по материалам городища у с. Городища близ Щепетовки)*. Дисс.... канд. истор. наук. Ленинград. Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-д, д. 417.
- Петренко А. Г. 1984. *Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья*. Москва: Наука.
- Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. *МИА* 142.
- Поварнин Г. Г. 1912. *Очерки мелкого кожевенного производства в России*. Санкт-Петербург.
- Полубояринова М. Д. 1978. *Русские люди в Золотой Орде*. Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 2008. *Торговля Болгара*. В: Старостин П. Н. (отв. ред.) *Город Болгар: культура, искусство, торговля*. Москва: Наука, 27—107.
- Прищепка Б. А., Никольченко Ю. М. 1996. *Літописний Дорогобуж в період Київської Русі: До історії населення Захід. Волині в X—XIII ст.* Рівне: Держ. ред.-видав. підприємство.
- Пронштейн А. П. 1957. *Новгород Великий в XVI в. Очерк социально-экономической и политической истории русского города*. Харьков: Изд. ХГУ.
- Псковские летописи. 2003. Вып. 1. *ПСРЛ V*. Москва: Языки славянской культуры.
- Рабинович М. Г. 1964. *О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв.* Москва: Наука.
- Рабинович М. Г. 1986. Одежда русских XIII—XVII вв. В: Рабинович М. Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 63—111.
- Резников Ф. И. 1960. Скотоводство в низовьях р. Северной Двины в XVII—XVIII вв. В: Сивков К. В. (отв. ред.). *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР IV*. Москва: Изд. АН СССР, 105—138.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР.
- Рыбина Е. А. 1989. Сведения о торговле в берестяных грамотах. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *История и культура древнерусского города*. Москва: Изд. МГУ, 74—81.
- Рыбина Е. А. 2001. *Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: Изд. НГУ*.
- Савванитов П. И. 1896. *Описание старинных царских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное*. Санкт-Петербург: Изд. ИАН.
- Свешников И. К., Брайчевська О. А. 1990. Шкіряне взуття із Звенигорода Галицького. В: *Археологія* (3), 122—129.
- Седов В. В. 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). *МИА* 92.
- Седова М. В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Русский мир.
- Скобелкин О. В. 2002. Западноевропейцы в русском войске XVI в. В: *ИЗ* 8. Воронеж: Изд. ВГУ, 49—63.
- Скобликов М. В. 1865. Кожевенное производство. В: *Техническая энциклопедия* 5. Санкт-Петербург.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков*. 2004. Вып. 1. Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.* Вып. 1 (2003), 2 (2005). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Словарь русских народных говоров*. Вып. 2 (2-е изд. 2002), 3 (2-е изд. 2002), 4 (1969), 6 (1970), 8 (1972), 9 (1972), 11 (1976), 12 (1977), 13 (1977), 14 (1978), 15 (1979), 16 (1980), 19 (1983), 20 (1985), 21 (1986), 23 (1987), 25 (1990), 27 (1992), 29 (1995), 33 (1999), 35 (2001), 36 (2002), 37 (2003), 38 (2004), 39 (2005). Ленинград; Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь русских говоров Сибири*. Т. 2 (2001), 3 (2002). Новосибирск: Наука.
- Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1 (1975), 2 (1975), 3 (1976), 4 (1977), 5 (1978), 6 (1979), 7 (1980), 8 (1981), 9 (1982), 11 (1986), 12 (1987), 13 (1987), 14 (1988), 15 (1989), 16 (1990), 17 (1991), 18 (1992), 19 (1994), 20 (1995), 21 (1995), 22 (1996), 23 (1996), 24 (2000), 25 (2000), 26 (2002), 27 (2006), 28 (2008). Москва: Наука.
- Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 6 (1991), 7 (1992), 8 (1995), 9 (1997), 10 (1998), 11 (2000), 12 (2001), 13 (2003), 14 (2004), 16 (2006), 17 (2007). Ленинград—Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в.* 1991. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Смирнов П. П. 1948. *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века*. 1948. Т. II. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР.
- Срезневский И. И. 1912. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд. ОРЯС ИАН.
- Старая Ладога*. 1948. В. И. Равдоникас (отв. ред.). Ленинград: Материалы археологических экспедиций Гос. музея этнографии.
- Тальман Е. М. 1946. Борьба посада Ярославля со светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. *ИЗ* 20, 96—129.
- Таможенные книги Московского государства XVII в.* 1951. Под ред. А. И. Яковлева III—IV. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР.
- Торэн М. Д. 1967. Способы уборки хлебов. В: *Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века)*. Москва: Наука, 60—84.
- Устюгов Н. В. 1950. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. *ИЗ* 34, 166—197.
- Фасмер М. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. Изд. 3-е. Санкт-Петербург: Азбука, ИЦ «Терра».

- Федоров И. А. 1887. *О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче*. Вып. 1. Тверь: Изд. ТУАК.
- Флетчер Дж. 1906. *О государстве Русском*. Изд. 3-е. Санкт-Петербург: Изд. А. С. Суворина.
- Хара-Даван Э. 1991. *Чингис-хан как полководец и его наследие*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Химия и технология кожи и меха. 1964. Под общей редакцией проф. И. П. Страхова. Москва: Легкая индустрия.
- Хорошкевич А. Л. 1963. *Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв.* Москва: Изд. АН СССР.
- Цалкин В. И. 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. *МИА* 167; Древности Московского кремля. *МИАМ* 4. Москва: Наука, 164—185.
- Черепнин Л. В. 1969. *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*. Москва: Наука.
- Черепнин Л. В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С. Л. (отв. ред.) *Татаро-монголы в Азии и Европе*. 2-е изд. Москва: Наука, 186—209.
- Черных П. Я. 1994. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1—2. Москва: Русский язык.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. 1971. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Изд. 2-е. Москва: Просвещение.
- Шендрік Н. І. 1970. Кушнірські інструменти з городища на Княжій Горі. *Археологія* XXIII, 221—224.
- Шестакова И. С. 1968. *Структура и свойства коллагена*. Москва: Легкая промышленность.
- Шляпкин И. А. 1913. *Русская палеография по лекциям, читанным в Императорском СПб Археологическом институте*. Санкт-Петербург: Тип. Гольберга и Вильборг.
- Шовкопляс А. М. 1954. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. *КСИА АН УССР* 3. Киев: Изд. АН УССР, 27—32.
- Штыхов Г. В. 1975. *Древний Полоцк*. Минск: Наука и техника.
- Щепетов К. Н. 1961. Помещичье предпринимательство в XVII в. (На материалах хозяйства князей Черкасских). В: Устюгов Н. В. (ред.) *Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни*. Москва: Изд. АН СССР, 17—35.
- Эдинг Д. 1928. *Сарское городище*. Ростов: Ростовский государственный музей.
- Янин В. Л. 1965. *Я послал тебе бересту...* Москва: Издательство МГУ.
- Янин В. Л. 1975. *Я послал тебе бересту...* Изд. 2-е. Москва: Изд. МГУ.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. 1993. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.)*. Москва: Наука.
- Celmiņš A. 1998. *Zemē apslēpta pilsete. Izstade par 1991.—1997. gada arheologiskajiem atradumiem Rīgā*. (Город под землей. Выставка археологических находок из Риги). Rīga.
- Ceynowa B. 2009. Rękawice skórzane z badań gdańskich w sezonach 2005—2007. In: *Acta Archaeologica Pomoronica*. III. XVI sesja pomorznawcza, 22—24.11.2007 r. Szczecin. Część 2. Od późnego średniowiecza do czasów nowożytnych. Szczecin, 229—239.
- Alper G. 2006. Das Braunschweiger Handwerk im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. In: *LKSH. V. Das Handwerk*. Lübeck, 157—182.
- Groenman-van Waateringe W. 1988. *Leather from medieval Svendborg. The archaeology of Svendborg, Denmark*. Vol. 5. Odense.
- Hammerich L. L. & Jakobson R. 1970. *Tonnies Fenne, s' Low German Manuel of Spoken Russian Pskov 1607*. V. II. Copenhagen.
- Radek T. 1997. Analiza submikroskopowa surowca skórzanego ze średniowiecznego Kołobrzegu. In: *Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu*. T. II. Kołobrzeg, 207—220.
- Radek T. 1998. Ścinki i odpady skórzane materiałem źródłowym wiedzy o poziomie skórnictwa w średniowieczu. In: *Szczątki zwierzęce jako źródło badań nad zróżnicowaniem poziomów życia materialnego i kulturalnego w różnych okresach dziejowych*. Materiały z Sympozjum Archeozoologicznego. Wrocław, 120—127.
- Radek T. 1999. Przynależność gatunkowa skór z działki przy ul. Więziennej 11. In: *Ze studio*. Wrocław, 95—105.
- Swann J. 2001. *History of Footwear in Norway, Sweden and Finland*. Stockholm.
- Turnau I. 1983. *Polskie skórnictwo*. Ossolineum. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Wiklak H. 1969. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII—XIII w. na podstawie wykopalisk. In: *Materiały Wczesnośredniowieczne*. T. VI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 475—517.
- Zelenin D. 1927. *Russische (ostslavische) Volkskunde*. Berlin; Leipzig.

Статья поступила в номер 4 марта 2010 г.

Alexander Kurbatov (St.-Petersburg, Russia). Candidate of historical sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Alexander Kurbatov (S.-Peterburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Курбатов Александр Валентинович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН).

E-mail: alkurba@rambler.ru